№:

АЛЕКСАНДРЪ ПОПОВЪ

УЖАСЪ

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

ЦѢНА 12 Кч.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
НОВОТНЫЙ И БАРТОШЕКЪ, ВЪ МУКАЧЕВѢ
1922.

*

ТИПОГРАФІЯ
„КАРПАТІА“ МУКАЧЕВО,
ГОРОДСКАЯ (ЗРИНЬИ)
УЛИЦА ЧИСЛО 5.

*

Александръ Поповъ

УЖАСЪ

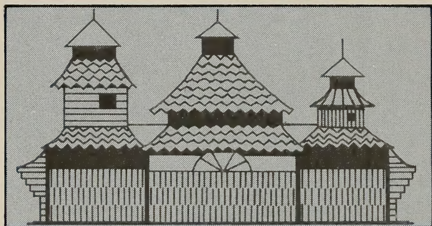
и

другіе разсказы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
НОВОТНЫЙ И БАРТОШЕКЪ, ВЪ МУКАЧЕВѢ
1922.

МУКАЧЕВО
ТИПОГРАФІЯ „КАРПАТІА"
ГОРОДСКАЯ (ЗРИНЬИ) УЛ. 5.

Къ читателю.

Издавая впервые свои скромные разсказы изъ военнаго быта русскаго солдаты, я имѣю только одну цѣль: передать то, что я видѣлъ и пережилъ, стараясь быть какъ можно ближе къ правдѣ и тѣмъ хоть отчасти открыть душу простого, русскаго человѣка, попавшаго отъ сохи въ полосу ужаса, разоренія и смерти.

Насколько я приблизился къ намѣченной цѣли — не знаю. Пусть объ этомъ судятъ сами читатели и люди, спеціально призванные къ этому.

Авторъ будетъ счастливъ, если въ душѣ читателя на минуту загорится теплое чувство симпатіи къ милліонамъ безцѣльно погибшимъ сынамъ разстерзанной, измученной страдалицы Руси.

Расказы написано мною въ 1917 году въ Iindř. Hradci, гдѣ я работалъ какъ военноплѣнный и только въ настоящее время могу часть ихъ издать.

Авторъ.

Мукачево, 1922.

*

Ужасъ.

*

Уже нѣсколько дней о томъ только и говорятъ, что вотъ-вотъ вспыхнетъ война. Настроеніе было у каждаго приподнятое. Ждали грозы и она разразилась съ такой силой, съ такимъ ужасомъ, она столько принесла слезъ, крови, столько безпощадно искалѣчила ни въ чемъ невиновныхъ людей, что всѣ бывшіе ужасы міра были простой игрушкой въ сравненіи съ ужасомъ, который начался лѣтомъ 1914 года.

Хотя возникшій конфликтъ и могли бы замять, но его умышленно раздули во всемірную катастрофу.

Объявленіе войны шло одно за другимъ. Пожаръ охватилъ весь лучшій цвѣтъ европейскихъ народовъ, гордящихся своей культурой. Каждая страна напрягала всѣ свои силы для того, чтобы вступить въ бой какъ можно лучше приготовленной къ уничтоженію городовъ, селъ, памятниковъ культуры другого народа, другой страны.

Черезъ нашу станцію день и ночь везли на поле битвы молодыхъ, здоровыхъ солдатъ. Пѣсни, смѣхъ, шутки, прибаутки, пляска — кругомъ стонало все стономъ. Солдатъ провожали на фронтъ съ пожеланіями вернуться черезъ мѣсяцъ, два — георгіевскими кавалерами и славными побѣдителями зазнавшагося нѣмца. Люди, которые ѣхали на войну, ничуть не походили

на людей, ѣдущихъ умирать за батюшку-царя и матушку-родину. Казалось, что солдаты ѣдутъ куда то на веселый, торжественный праздникъ. Поѣзда пріѣзжали и уѣзжали, а солдаты были какъ будто одни и тѣже: довольные, веселые, молодые, здоровые.

Про офицеровъ нечего было и говорить, такъ какъ передъ ними открывалась блестящая будущность — одинъ счастливый случай и онъ герой. Его ждетъ серебрянный крестикъ, чинъ, отпускъ домой, встрѣча съ родными и знакомыми, завистливые взглядны тѣхъ товарищей, которымъ почему либо не удалось еще попасть на фронтъ. Мечты-опьяняли, люди теряли головы.

Правда, попадались среди офицеровъ и пессимисты, но такихъ было очень, очень мало. Тѣ, которые хорошо и ясно сознавали, что война это не спектакль, не рѣшались, при общемъ воодушевленіи, говорить о своихъ черныхъ мысляхъ, боясь того, что ихъ посчитаютъ за трусовъ. И даже эти господа пессимисты въ концѣ концовъ старались видѣть только одно свѣтлое. Отъ добровольцевъ не было отбоя — они лѣзли къ воинскимъ начальникамъ, къ комендантамъ; многіе, отчаявшись получить желанное согласіе быть зачисленными въ славные отряды добровольцевъ, приставали къ эшалонамъ и прямо ѣхали туда, гдѣ уже текла потоками кровь, гдѣ отъ воплей и стоновъ, отъ грохота орудійной пальбы тряслась и рыдала земля.

Кровь и во мнѣ била ключемъ; душа горѣла и рвалась на бой съ врагомъ родной земли. Ни днемъ, ни ночью меня не покидали мечты о крестахъ, геройскихъ подвигахъ, о громкой славѣ, но въ противовѣсъ этимъ страстнымъ мечтамъ, какъ бы насмѣшливо улыбаясь, выплывала страстная же жажда жизни, которая нашептывала мнѣ нѣжно, но убѣдительно: „Не теряй за славу жизни, не вѣрь фантастическимъ мечтамъ.“ И я чувствовалъ, что жизнь для меня дороже всѣхъ почестей міра, дороже безумной жажды славы. Мнѣ казалось, что я былъ просто напросто — трусъ. Мнѣ было иногда такъ совѣстно за себя, за свою трусость, за свой эгоизмъ.

Къ намъ привезли первыхъ раненыхъ, Кровь застыла въ моихъ жилахъ, когда я увидѣлъ вмѣсто здоровыхъ, веселыхъ людей, измученныхъ страдальцевъ и калѣкъ. Безъ рукъ, безъ ногъ, съ повязками на головѣ, на шеѣ, блѣдные, какъ полотно, похудѣвшіе, съ впалыми глазами, съ изнуренными, измученными лицами, они были жалки до слезъ. О, какъ имъ было далеко до тѣхъ героевъ, которыхъ я часто представлялъ себѣ. Былого веселья не видно: отъ него не осталось и слѣда. Это уже были не тѣ люди, которые нѣсколько недѣль тому назадъ ѣхали съ такимъ дѣтскимъ весельемъ бить враговъ русской земли, „Такъ вотъ она какова война“, — думалъ я. Гдѣ же кресты?“ Да и стоятъ ли они этихъмукъ и страданій? О,

нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!“ Я подошелъ къ группѣ людей, тѣснымъ кольцомъ окруживших ъ раненаго въ лѣвую руку солдатика и сталъ прислушиваться.

„Ползем ъ это мы, братцы, по травѣ, ползем ъ... Намъ сказали, что впереди насъ должны быть нѣмцы, но мы, признаться, никого не видѣли до того, значитъ, момента, какъ „онъ“ сталъ жарить въ насъ изъ пулеметовъ... Ну, значитъ ползем ъ, ползем ъ...“ — „А страшно, поди?“ прерываетъ какой то носильщикъ разсказчика.

„А какъ же это, братцы, не страшно? Страшно, да еще какъ! Поперва то человѣкъ какъ и свѣта бѣлаго отъ страха не видитъ. Глаза то какъ бы туманомъ какимъ заволокло. Думаешь, что тебѣ вотъ-вотъ пуля голову пробьетъ, а ты повалишься какъ снопъ-и вскрикнуть не успѣешь. И нѣтъ человѣка, какъ не жилъ на свѣтѣ. Потомъ маленько пообвыкъ, такъ не такъ страшно было. Пуще всего этотъ самый страхъ былъ отъ того, что ты не зналъ его, что „онъ“ за человѣкъ... Ну, значитъ, ползем ъ это мы, православные, дальше, а сами не знаемъ, далеко ли до ворога нашего. Ну, подползли это мы, къ примѣру сказать — вотъ къ тому дереву — и солдатъ здоровой рукой указалъ на тощее деревцо, покрытое копотью изъ паровозныхъ трубъ.

Ужъ и немного намъ осталось до ихъ окоповъ, всего какихъ нибудь шаговъ сто - какъ намъ потомъ сказывали, какъ вдругъ около

насъ что то трахнуло... какъ горохомъ кто заколотилъ по большому барабану. Мы такъ носы въ землю и зарыли. Пули, какъ взбаламученныя въ ульѣ пчелы, съ визгомъ жужжали надъ нашими головами цѣлыхъ полчаса безъ передышки. А къ этому мягкому, какъ бы и ласковому жужжанію прибавилось что то злобное, свирѣпое — вви... и... бахъ!... Это шрапнели, которыя разрывались и на землѣ и на небѣ. Лежалъ я, братцы, ни живъ, ни мертвъ, и лишь стараюсь глубже зарыться въ землю. И казалось мнѣ, что изъ всего батальона я только остался наживу, а остальные всѣ побиты. И такая тоска взяла, что даже дышать стало нечѣмъ. Вдругъ слышу команду: „Въ аттаку! бѣгомъ маршъ!“ Я лежу и не двигаюсь. Слышу, мой товарищъ Василій Петровъ, изъ одной со мной деревни, землякъ, значитъ мой, зоветъ меня: — Иванъ, а Иванъ! Вставай! Все едино умирать надо. Бѣжимъ, коли приказываютъ. — Думаю — и то правда! Не спасешься, вѣдь, и лежа, если Богъ попуститъ. Поднялъ голову, смотрю и вижу, что многіе уже бѣгутъ впередъ, ружья въ рукахъ и что то кричатъ. Ну, и ты, Иванъ, бѣжи, думаю себѣ. Перекрестился, схватилъ въ правую руку винтовку и побѣжалъ. Бѣгу и кричу... И самъ не знаю, какая это невидимая сила меня несла впередъ. Самъ себя не помню, а только кричу во все горло, какъ будто въ этомъ крикѣ вся сила должна быть. А нѣмецъ все сыпалъ и сыпалъ, все палилъ и палилъ по насъ. Пробѣжавъ ша-

говъ двадцать, я почувствовалъ, что меня чѣмъ то ожгло, кольнуло въ руку, но некогда было думать — что это такое со мной сдѣлалось, а все бѣгу и кричу — ура-а!... Да вдругъ, какъ сквозь туманъ какой вижу, что мой товарищъ упалъ, взмахнувъ, какъ птица какая, руками. Я къ нему, а онъ уже — готовъ, не шевельнется. Пуля попала ему въ голову. Какъ громомъ меня ошарашило. Вотъ она, молъ, война! Это былъ первый убитый, котораго я видѣлъ. И не вѣрится мнѣ — только минуту тому назадъ былъ живъ, бѣжалъ, кричалъ; а тутъ — упалъ и нѣтъ его. Я нагнулся къ нему, зову его — молчитъ. Заплакалъ я, хотѣлъ перекреститься, да рука не поднимается. Гляжу, а она, рука то, вся въ крови. Тутъ я понялъ, что меня ранило, и такъ сильно испугался, что думалъ, — пришелъ мнѣ конецъ. Спасибо отдѣленному, который, замѣтивъ, что я раненъ, закричалъ, чтобы я бѣжалъ назадъ — къ околодку. Страсть какъ я въ тѣ поры испугался! Теперь вотъ и ничего, даже смѣшно, но тогда было плохо. Когда шелъ назадъ, видѣлъ много убитыхъ, а еще больше раненыхъ. Ужъ и не помню, какъ я добрался въ лѣсокъ до перевязочнаго пункта, гдѣ я увидалъ то, отъ чего у меня потемнѣло въ глазахъ. То, что вы видите въ вагонахъ — это цвѣточки, самые тяжелые раненые остались ближе къ фронту.“ Послѣ короткаго молчанія, разсказчикъ прибавилъ: „Уже цѣлую недѣлю ѣдемъ, измучались совсѣмъ.“ Солдатикъ простился со слу-

шателями и полѣзъ въ вагонъ, при чемъ его не забыли надѣлить папиросами, печеньемъ, пирогами, яблоками и т. д.

Толпа расходилась, дѣлясь своими впечатлѣніями, жалѣя нашихъ и проклиная, негодуя на австрійцевъ и нѣмцевъ. Этотъ простой разсказъ солдата повліялъ на меня такъ, что я нѣсколько дней и ночей ни о чемъ не думалъ, какъ только о той картинѣ, которую нарисовалъ раненый.

Двадцать третьяго сентября 1914 года я долженъ былъ призываться. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что меня возьмутъ и что я пойду убивать или же буду убитымъ самъ. Такъ какъ всѣ льготы были отмѣнены, то надежды остаться отъ солдатчины не было положительно никакой. Я былъ здоровъ, молодъ, меня уже заранѣе прочили въ гвардію, но все-же въ глубинѣ моей души жила слабая искорка надежды остаться. И эта искорка то слабѣла, почти совсѣмъ угасая, то вспыхивала ярче. Такъ жилъ я, мучаясь, до того самого момента, когда былъ поставленъ подъ мѣрку, потомъ на вѣсы.

— Принятъ! — услышалъ я роковое слово и въ душѣ моей какъ бы что-то сразу лопнуло и оборвалось. Было такъ тяжело и грустно, что слезы готовы были брызнуть у меня изъ глазъ, но я всѣми силами старался ихъ скрыть. Помню, какъ теперь, что я тогда старался даже сдѣлать веселое лицо, пробовалъ улыбаться и даже шутить, но такая комедія возбуждала

во мнѣ самомъ брезгливое чувство отвращенія. Какъ можно лицемѣрить и притворяться, когда въ душѣ происходила цѣлая буря, когда сердце сжималось тоской и страхомъ, когда оно обливалось кровью, когда на карту была поставлена вся моя будущность, моя жизнь? Я вышелъ изъ земской управы, гдѣ насъ принимали. Весь свѣтъ казался мнѣ пустымъ, холоднымъ. Даже и это ярко блестящее солнце на безоблачномъ, голубомъ небѣ, по которому длинными, серебряными нитями тянулась паутина, и эта огромная, шумящая толпа и смѣхъ, и слезы матерей, мнѣ казались ничѣмъ, въ сравненіи съ моимъ горемъ. На вопросы я не могъ отвѣчать, Скажи я одно слово — и я заплакалъ бы громко, истерично, по-дѣтски. Я спѣшилъ выбраться изъ толпы. Ко мнѣ подошелъ отецъ. На глазахъ его еще виднѣлись слѣды плохо скрытыхъ слезъ. Онъ ни о чемъ меня не разспрашивалъ, потому что онъ уже все зналъ. Отецъ молча пожалъ мнѣ руку, какъ бы этимъ пожатіемъ подбадривая меня перенести мое несчастіе.

Къ намъ подошелъ мой товарищъ Костя, котораго тоже взяли, но онъ гораздо спокойнѣе меня переносилъ свое горе.

— Не робѣй, мы какъ-нибудь устроимся въ канцеляріи писарями, — но я въ душѣ говорилъ, несмотря на свой страхъ передъ войной, что писаремъ и по за-фронтомъ я добровольно не останусь, а пойду туда, гдѣ милліоны людей подвержены всѣмъ невзгодамъ и ужасамъ войны.

Третьяго октября я былъ уже въ Петроградѣ, въ казармахъ Измайловскаго гвардейскаго полка, а въ серединѣ декабря 1914 года, ѣхалъ въ числѣ первыхъ „молодыхъ“ на позицію. Первоначально меня назначили было въ школу прапорщиковъ, но за то, что я ослушался взводнаго, который „приказалъ“ мнѣ молчать, хотя молчать было нельзя, меня отправили въ знакъ наказанія простымъ солдатомъ на фронтъ, причемъ дали понять о сдѣланной „милости.“ Вина моя заключалась въ томъ, что я вступился за всѣми обижаемаго солдатика, прозваннаго почему то „Дунькой.“ Взводный, когда вечеромъ сгоняли насъ на пѣсни, сталъ тянуть за ноги больного „Дуньку“ съ постели. Одобряемый смѣхомъ льстящихъ новичковъ, онъ безжалостно тянулъ солдатика съ такими замѣчаніями, которыя побоялась бы пропустить и самая либеральная цензура. Я не вытерпѣлъ и попросилъ взводнаго оставить „Дуньку“ въ покоѣ. Съ этого началось, и въ концѣ концовъ — я ѣхалъ воевать. Тащили насъ на фронтъ хотя и въ бычачьихъ вагонахъ, но съ быстротой скораго поѣзда — нужны были новые люди для свѣжаго, пушечнаго мяса.

Простоявъ въ Варшавѣ два дня, мы отправились пѣшкомъ въ Петроковскую губернію, гдѣ былъ въ то время фронтъ. 22 декабря я былъ зачисленъ въ одинъ изъ полковъ третьей гвардейской дивизіи. 23 декабря насъ отправили вечеромъ въ лѣсъ, откуда мы при на-

ступленіи темноты должны были перебраться въ окопы, расположенные въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ опушки большого сосноваго лѣса. Наступила оттепель. Снѣгъ лежалъ только мѣстами, но воды и грязи было много вездѣ, куда ни ступишь измученной ногой. Съ неба сѣялся мелкій, скорѣе похожій на паръ или густой туманъ, дождь. Пока мы дошли отъ мѣста стоянки нашего полка до лѣса, на насъ не было сухой нитки. Шинель превратилась въ твердый лубокъ. Винтовка рѣзала до боли плечо. И безъ того тяжелая шапка, подарокъ, какъ намъ говорили, какой то княгини, и которая впослѣдствіи сослужила намъ огромную службу, теперь тяжело давила голову. Въ сапогахъ полно воды, а на нихъ налипло полпуда грязи.

Настроеніе было убійственное. Лицо какъ то стянулось, было измучено и блѣдно. Всѣ, особенно мы „молодые" ждали чего то страшнаго, неизвѣстнаго, и это неизвѣстное гнуло и придавливало насъ къ самой землѣ. Почти никто не разговаривалъ, а если и говорили, то полушопотомъ, боясь произнести громко слово потому, что оно могло насъ еще болѣе встревожить. Громко и неожиданно сказанныя взводнымъ, молодымъ, красивымъ молдаваномъ слова — Вотъ тамъ, ребята, непріятельскіе окопы! — насъ испугали. Мы думали, что говорить громко, находясь недалеко отъ врага — нельзя.

— Туда вотъ за отдѣленнымъ поодиночкѣ

вы и будете перебѣгать... Эй, сѣрая порція! Не выходи на опушку — замѣтятъ — сразу начнутъ „гостинцы“ посылать такъ, что за три версты себѣ мѣста не найдешь! —

Сконфуженная „сѣрая порція“ спѣшитъ удалиться какъ можно дальше отъ опушки.

— Когда начнете перебѣгать, такъ безъ шума, а не то я васъ (трехъ этажное словцо) проучу такъ, что небу жарко станетъ. —

Дождавшись сумерокъ, взводный приказалъ отдѣленному I отдѣленія I взвода начать перебѣжку. Тотъ перекрестился, взялъ винтовку въ правую руку, согнулся насколько могъ и побѣжалъ, широко разставляя ноги. Взводный вызвалъ бѣжать за отдѣленнымъ охотника. Вызвался я. Не знаю, какъ это случилось. Я боялся, но какая то невидимая сила толкнула меня вызваться первымъ. — Молодецъ! Похвалилъ взводный, ну — айда! — Подражая отдѣленному, я бѣгу. Стараюсь не произвести ни малѣйшаго шума, но на что то спотыкаюсь, падаю, встаю и снова бѣгу, обливаясь потомъ и въ тоже время дрожа, какъ въ лихорадкѣ и стуча зубами.

Куда? Стой! — доносится до меня чей то окрикъ. Останавливаюсь и каменѣю отъ ужаса. Холодъ пробѣраетъ по моему тѣлу, кровь отливаетъ отъ моего лица, сердце перестаетъ биться.

„Куда тебя черти несутъ? Прямо въ лапы къ нѣмцамъ? Полѣзай сюда! Ослѣпъ, не видишь окопа, болванъ!“

Тутъ только я увидѣлъ передъ собою черную, длинную яму, прикрытую и чуть-чуть наклоненную въ сторону непріятеля.

Такъ это окопы — пронеслось у меня въ головѣ. — Ну, чего остолбенѣлъ? захотѣлъ подзатыльника хорошаго? — Слышу я тотъ же грубый, озлобленный голосъ. Я влѣзаю въ окопъ и сразу же попадаю ногами въ какое то мѣсиво изъ песку, глины и воды..

— Направо, направо лѣзь, слышу я, но отчего то тупѣю и лѣзу налѣво. Получаю внушительный толчекъ въ „загривокъ“ и только тогда уже ползу направо.

„Штыкомъ назадъ держи винтовку, запорешь такъ кого“, — слышу позади себя чей то равнодушный голосъ.

Ползу по грязи. Въ одной рукѣ винтовка, а другой опираюсь о стѣну окопа, которая отъ моего прикосновенія осыпается. Иногда стукаюсь головой и лбомъ о жерди, о сучки, торчащіе съ плохо устроеннаго прикрытія. Солома, наваленная на деревья, положенныя поперекъ окопа, колетъ глаза, уши, попадаетъ въ носъ и причиняетъ нестѣрпимую боль. Ползу по ногамъ солдатъ. Получаю пинки, проклятья и страшную ругань. Полы шинели, попадая подъ колѣни — тянутъ книзу верхнюю часть тѣла. Я скрегощу отъ досады зубами. Непонятная ненависть, самъ не знаю на кого, охватываетъ меня съ такой силой, что я готовъ, кажется, собственными руками перевѣшать тѣхъ, кто насъ погналѣ въ эти грязныя

дыры. Наконецъ я добрался къ цѣли. Въ изнеможенiи сѣлъ и прислонился спиной къ окопу. Мѣсто здѣсь было сухое — т. е. воды было меньше, чѣмъ въ пройденныхъ окопахъ. Въ сравненiи съ тѣми, кто остались лѣвѣе меня, я попалъ въ рай.

Мой новый сосѣдъ, уже старый солдатъ, взялъ у меня винтовку, которую я положилъ на дно окопа, и вложилъ ее въ бойницу.

— Такъ винтовку нельзя класть. Взводный или ротный морду набьютъ.

— А развѣ можно бить?

— Нельзя, не приказано, но нашего брата нельзя не бить... Дисциплины не знаетъ... Новичекъ? боишься? Ничего, пообвыкнешь. Тутъ тихо. Вотъ версты три вправо, такъ тамъ, говорятъ, одинъ ужасъ... Въ окопахъ десятки убитыхъ. Ну, да можетъ и зря болтаютъ.

— А развѣ и въ окопахъ убиваютъ?

— Рѣдко когда. Большей частью передъ аттакой, когда начнетъ жарить изъ орудiй. Ну, тогда бѣда, а такъ ничего... Ну, да скоро самъ увидишь. Откуда самъ то? Съ какого года? Гдѣ обучался? И т. д. Засыпалъ онъ меня вопросами.

Когда я удовлетворилъ его любопытство, тогда принялся онъ самъ, безъ всякаго понужденiя, а просто потому, что нашелся свѣжiй человѣкъ, разсказывать о томъ, въ какихъ бояхъ онъ былъ, гдѣ; сообщилъ мнѣ о ротномъ, фельдфебелѣ, взводномъ. Говорилъ онъ

ни громко, ни тихо, но зато спокойно и это его спокойствіе подѣйствовало, какъ цѣлительный бальзамъ, и на меня. А когда мой сосѣдъ отвернулся отъ меня и сталъ разспрашивать другого новичка, мнѣ сдѣлалось какъ то непріятно и грустно. Даже что-то вродѣ ревности защемило у меня въ сердцѣ.

Стемнѣло. Не было видно ни звѣздъ, ни мѣсяца, ни неба. Темная, жуткая первая ночь спустилась надъ нашими головами. Вездѣ было тихо и только далеко вправо отъ насъ слышалась частая ружейная перестрѣлка и сильный пулеметный огонь. Сырая мгла пронизывала до костей. Все тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Часовъ въ двѣнадцать ночи меня вызвалъ дежурный вонъ изъ окопа. Я не понималъ въ чемъ дѣло и порядочно трусилъ, потому что въ моемъ воображеніи рисовалась картина: только я вылѣзу и сразу же затрещитъ пулеметъ и я упаду, чтобъ ужъ никогда не встать. Какъ бы угадывая мои мысли, дежурный успокоительно проговорилъ.

„Не бойся! . . . Начнутъ стрѣлять, такъ схоронишься.“ Прошла первая томительная ночь. Лишь только начало свѣтать, мы, молодые, бросились къ бойницамъ, но ничего не увидали. Передъ нашими глазами простиралось голое поле, за нимъ маленькая лощина, а за лощиной чернѣлъ по небольшомъ холму сосновый лѣсъ и только. Непріятельскихъ окоповъ, которые насъ такъ интересовали, не было нигдѣ видно. Несмотря на то, что старые

солдаты говорили и указывали намъ „темную линію за лощиной,“ мы окоповъ все-таки не видѣли.

Наступилъ и прошелъ Новый Годъ, а я все еще былъ живъ и здоровъ. Въ нашей ротѣ за все это время (около двухъ недѣль), пока я пробылъ на позиціи, не было ни одного раненаго, ни одного убитаго. Я почти совершенно привыкъ къ „войнѣ“, которая когда то рисовалась мнѣ въ такихъ яркихъ краскахъ. Я уже въ душѣ началъ было подтрунивать надъ своей трусостью, какъ вдругъ мы получили приказъ идти на отдыхъ. Лица старыхъ солдатъ нахмурились и я понялъ, что за такимъ отдыхомъ должно скрываться что-нибудь серьезное. Мою догадку подтвердилъ и отдѣленный, а впослѣдствіи подтвердилъ мое предположеніе и горькій опытъ. Насъ смѣнили армейцы, а мы отправились въ ту деревушку, гдѣ до сихъ поръ стояли на отдыхѣ 4 роты N-скаго полка, передъ тѣмъ пришедшія съ рѣки Бзуры.

Какъ только мы пришли въ деревушку, то она сразу же приняла иной видъ. Каждый нашелъ себѣ тысячи занятій: кто несъ воду въ котелкѣ на чай, кто мылся, кто мылъ бѣлье, кто у костра поджаривалъ паразитовъ, этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ солдата, кто валялся въ землянкахъ на грязной соломѣ; иные писали письма на родину, кто храпѣлъ ужъ во всю ивановскую, иные играли въ карты, въ „очко“ и ужъ спорили, ругались. Тамъ, гдѣ

играли въ „очко“, у той землянки или хаты, обязательно стоялъ нанятый на всякій случай за сорокъ, пятьдесятъ копеекъ дневальный, на обязанности котораго было не проморгать дежурнаго по ротѣ: ротнаго или подпрапорщика, которые за игру въ карты обязательно, кромѣ двухъ, трехъ добрыхъ зуботычинъ, поставили бы игроковъ подъ ружье. Однако были и такіе солдаты, которые ничего не дѣлали, но какъ шальныя мухи осенью, расползались по всѣмъ направленіямъ, шлялись отъ одной землянки къ другой, нарывались на злые шутки, крико, шли дальше и такъ шлялись до тѣхъ поръ, пока имъ самимъ не надоѣло это.

Первый день отдыха прошелъ незамѣтно. Наступилъ длинный, скучный вечеръ, а тамъ и ночь.

Лежа и протягиваясь подъ шинелью и палаткой во весь ростъ, каждый чувствовалъ радостное, пріятное ощущеніе, какъ бы легкое и нѣжное щекотаніе оттого, что насъ сегодня не потревожатъ, что сегодня ночью не нужно будетъ безсмысленно ходить передъ землянкой и дрожать отъ холода, съ нетерпѣніемъ ожидая того момента, когда снова можно будетъ забраться въ свое логовище.

Къ девяти часамъ въ нашей землянкѣ всѣ спали и храпѣли на разные тона и голоса. Измученные долгимъ пребываніемъ въ окопахъ солдаты теперь спали, какъ убитые. Свѣча, воткнутая въ песокъ, съ трескомъ

догорала. Вотъ вспыхнула ярче разъ, другой, а затѣмъ сгасла и только красный огненный шнуръ свѣтился въ темнотѣ, но, наконецъ, и онъ погасъ. Наступила тьма. Глаза сами собой закрылись и я сталъ понемногу засыпать безъ думъ, безъ мыслей. Не знаю, сколько времени я спалъ: часъ, два, три, какъ вдругъ былъ разбуженъ поднявшимся крикомъ и шумомъ. Встаю, протираю глаза. Въ землянкѣ горѣла новая свѣча. Товарищи проворно и испуганно одѣвались. Снаружи слышался голосъ дежурнаго, который бѣгалъ отъ дому къ дому, отъ землянки къ землянкѣ и будилъ крѣпко спящихъ солдатъ.

— Живѣй, ребята, живѣй! А то не успѣемъ нѣмцамъ бока намять. Проснитесь, не будьте мокрыми курицами. —

Черезъ полчаса мы молча и нехотя, шли на подмогу Московскому полку. Около трехъ часовъ пробирались мы среди полей, изрытыхъ снарядами и съ неубранными проволочными загражденіями, съ полузасыпанными окопами, переходили черезъ деревни, наполовину разрушенныя, сожженныя, печальныя, гдѣ, казалось, жизнь замерла, по крайней мѣрѣ, передъ двадцатью годами.

Морозило. Съ неба какъ то боязливо, сквозь разодранныя облака, высматривалъ мѣсяцъ и робко мигали звѣздочки. Дулъ легкій, сухой восточный вѣтерокъ. Дышалось легко бы, но тяжолое сознаніе того, что че-

резъ нѣсколько минутъ надо будетъ вступить въ бой, спирало дыханіе и вообще дѣйствовало на настроеніе убивающимъ образомъ. Но мало по малу, чѣмъ ближе мы подвигались къ цѣли, тѣмъ менѣе давало знать себя чувство страха. Мы шопотомъ разговаривали и вспоминали о родинѣ, о милыхъ лицахъ, оставленныхъ далеко, какъ будто на иной планетѣ. Часа черезъ два курить и разговаривать было запрещено. Шли молча и это молчаніе снова начинало пробуждать чувство боязни и страха отъ предстоящей неизвѣстности. Ясно и отчетливо слышалась ружейная и пулеметная трескотня, похожая скорѣй на какой то одинъ сплошной гулъ, на густую барабанную дробь. Орудія сначала ухали рѣдко, но чѣмъ ближе мы подходили къ мѣстечку К......., тѣмъ чаще и чаще кашляли батареи съ обѣихъ сторонъ. Впереди насъ все чаще и чаще вспыхивали ракеты; изрѣдка яркіе лучи прожектора прорѣзывали ночную тьму и тогда мы бросались на землю, и минуту, двѣ лежали молча, безъ движенія, какъ бы сросшись съ землей. Затѣмъ съ тревогой поднимались и шли дальше, поминутно ожидая отъ непріятеля еще какого-нибудь новаго сюрприза Вотъ вдали что-то лопнуло, вѣрнѣе, вздохнуло, обрадовалось свободѣ и съ хрипомъ и свистомъ полетѣло прямо на насъ.

— Разбѣж...

Раздается команда, но солдаты и безъ того успѣли разбѣжаться. И во-время!...

Раздался оглушительный трескъ, страшное-трахъ! и надъ нашими головами летятъ осколки снаряда, камни и песокъ. Большинство изъ солдатъ, заслышавъ свистъ снаряда, легли, а тѣ, которые не успѣли этого сдѣлать — поплатились за это своей кровью. Одиннадцать раненыхъ на дорогѣ!... Идемъ дальше. Дрожь и страхъ усилились. Все чаще и чаще у нашихъ ушей слышано пѣніе пуль Немного легче вздохнули тогда, когда скрылись въ ходу сообщенія. Но несмотря на то, что на дворѣ морозило, на днѣ двухъ-аршиннаго окопа стояла четверти на двѣ, а мѣстами и больше — вода. Кое — гдѣ она заливала за голенища сапогъ. Навстрѣчу намъ несли раненыхъ и мы, чтобы не причинить боли какимъ — нибудь неосторожнымъ движеніемъ своему несчастному собрату, прижимаемся къ песчанымъ стѣнамъ окопа. Такъ какъ идти по ходу сообщенія можно только согнувъ голову, то скоро отъ такого положенія начинаетъ страшно болѣть шея. Перемѣняю положеніе и сгибаю спину — тоже неудобно, а къ этому еще прибавляетъ свою долю мученій липкая грязь и вода въ сапогахъ. Иногда ноги настолько отяжелѣваютъ, что волей — неволей приходится останавливаться и отдыхать. Вотъ пришли въ такое мѣсто, гдѣ песокъ и глина образовали мѣсиво, въ которомъ остаются подметки, сзуваются сапоги. Пока вытащишь одну ногу, другая уже снова увязла. Полчаса мученія и дикихъ проклятій такъ обезсиливаютъ человѣка,

такъ его разстраиваютъ, что многіе шепчутъ въ отчаяніи:

— Ужъ скорѣй бы конецъ всему!.. Лучше смерть, тѣмъ такое мученіе!

Въ душѣ кипитъ безсильная злоба, къ горлу подступаетъ комокъ. Вотъ-вотъ громко разрыдаешься.

— Ну, слава Богу, — слышу я, — вотъ ужъ и окопы. — Идемъ по окопамъ, расположеннымъ по холму. Здѣсь сухо, но зато чувствуется сильная вонь отъ разлогающихся труповъ. Тошнитъ! Спотыкаюсь и руками касаюсь грубой, засыпанной пескомъ отъ ногъ идущихъ шинели. Рука скользитъ и натыкается на холодную руку убитаго солдата. Я отдергиваю свою, выпрямляюсь и дрожу отъ охватившаго меня волненія. Сзади на меня напираютъ. Я спѣшу найдти мѣсто для своей ноги между убитымъ и стѣной окопа...

Пришли въ такое мѣсто, гдѣ снарядомъ разбило окопъ. Пришлось ползти, касаясь головой земли. Вижу, какъ товарищи впереди меня остановились въ нерѣшительности. Раздается чей-то злобный голосъ. Подползли... Надо перепалзывать черезъ убитыхъ, при чемъ лица живыхъ должны почти соприкасаться съ лицами убитыхъ. Жутко и непріятно до отвращенія, но ползти надо. Ползу. Страшный запахъ, широко раскрытые глаза, безсмысленно уставившіеся въ холодное, равнодушное небо, широко разставленныя ноги, и судоржно сжатыя въ кулаки руки у одного, —

кусокъ мяса, вмѣсто лица у другого и замерзшая лужа крови возлѣ него — наводило на душу леденящее чувство, похожее на ужасъ животныхъ, испытываемый ими при входѣ на бойню. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше убитыхъ въ окопахъ.

— Это нахальство! Это безобразіе! — Слышу я за собой негодующій голосъ Смирнова, приказчика изъ города Ярославля.

— И неужели ихъ не могли убрать? Это ужасно, это чертъ знаетъ что такое. Мясо, мясо — и больше ничего! Убьютъ — и валяйся, какъ дохлая собака. Но послѣ мы узнали, что мертвыхъ относить изъ окоповъ не было никакой возможности, а въ окопахъ — куда ни воткни лопату — вездѣ лежалъ защитникъ родины. Возлѣ окоповъ съ непріятельской стороны убитыми нѣмцами, которые шли нѣсколько разъ на наши окопы въ аттаку, было покрыто цѣлое пространство. Они лежали, разлагались и наполняли воздухъ страшнымъ зловоніемъ. Стрѣльба здѣсь ни на минуту не переставала. Какъ я на ходу узналъ отъ солдатъ, непріятельская позиція была всего шаговъ на пятьдесятъ отъ нашей. Солдаты говорили, что „наши проѣли“ окопы на „кашѣ“. Будто бы двѣ роты Литовскаго полка, за двѣ недѣли до нашего прихода — оставивши вечеромъ окопы, пошли за ужиномъ. Возвратившись назадъ — въ своихъ окопахъ нашли незванныхъ гостей. Было ли въ этомъ разсказѣ доля правды или же это просто анек-

дотъ — я не имѣлъ возможности провѣрить, но такъ или иначе — окопы были такъ близко, что мы слышали голоса нѣмцевъ, которые ничуть и не думали стараться говорить тише. Когда же на минуту наступалъ маленькій перерывъ въ огнѣ, нѣмцы по русски кричали намъ:

Эй, вы, москали! Идите къ намъ въ плѣнъ. Мы васъ шоколадомъ угостимъ, въ Берлинъ васъ отвеземъ.

— Спасибо, нѣмчура, за приглашеніе. Приходите къ намъ въ гости — мы вамъ Петроградъ укажемъ.

И снова начиналась стрѣльба.

Размѣстившись на указанномъ мѣстѣ, мы тоже начали стрѣлять-безсмысленно, глупо, чтобъ только застрашить нѣмцевъ. Не прошло и полчаса, какъ изъ нашей роты выбыло уже нѣсколько человѣкъ. Дурацкое расположеніе нашей позиціи позволяло нѣмцамъ дѣлать долевой обстрѣлъ нашихъ окоповъ. Каждому было ясно, что держаться здѣсь-значитъ тратить напрасно людей, но начальству „не было ясно" положеніе дѣла. То, что намъ разказывали уцѣлѣвшіе солдаты смѣняемаго нами полка (не былъ Московскій, какъ говорилось въ началѣ) было что-то невѣроятное, чему мы не хотѣли даже вѣрить.

— Не вѣрите? Ну, хорошо! Подождите утра и вы сами увидите, каковъ здѣсь адъ!

Съ разсвѣтомъ, словно давая намъ возможность любоваться дѣломъ разрушенія, нѣмцы

открыли долевой артиллерійскій огонь. Орудія были хорошо пристрѣляны ужъ давно, а потому снаряды ложились прямо къ намъ въ окопы и уже послѣ третьяго гостинца, понеслись стоны и вопли, полилась русская кровь. Блѣдные, какъ гипсовыя статуи, солдаты жались къ стѣнамъ окоповъ, какъ бы желая проникнуть скважинами земли на много аршинъ въ глубь ея, гдѣ были бы нестрашны эти, наводящіе паническій страхъ, снаряды, не страшна эта свистящая шрапнель, которая ложилась въ окопы такъ, какъ будто ее кто-нибудь укладывалъ руками въ то мѣсто, гдѣ были сбиты въ кучку солдаты. Шрапнель рвалась въ окопахъ, шрапнель, посылаемая изъ нѣсколькихъ батарей, рвалась и надъ нашими головами. Кровь, песокъ и человѣческое мясо смѣшались въ одинъ страшный, отвратительный видъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ по всѣму тѣлу. Я видѣлъ, какъ товарищи скакали, словно безумные по окопу, хоронились за выступы. Я сидѣлъ за маленькимъ поворотомъ, ни живъ, ни мертвъ, затаивъ дыханіе, втянувъ въ себя голову и скорчивъ ноги, инстиктивно стараясь сдѣлаться какъ можно меньшей мишенью для пуль и осколковъ. Многіе изъ товарищей молились, но я и молиться не могъ — не было кому да и врядъ ли молитва могла помочь. Душа моя вся сосредоточилась на одномъ, какъ бы превратилась въ огромный, наполненный смертельнымъ ужасомъ, глазъ, все видящій до мельчайшихъ подробностей какъ губка впи-

тывающій въ себя эти дикіе стоны, похожіе на предсмерные крики, животнаго, эту кровь, эти изуродованныя до неузнаваемости тѣла друзей по несчастью! Если кто изъ читателей видѣлъ пойманныхъ въ капканъ крысъ, видѣлъ весь ужасъ въ ихъ черныхъ, бѣгающихъ глазкахъ, видѣлъ, съ какимъ отчаяніемъ набрасываются они на прочное желѣзо, тотъ можетъ легко представить себѣ насъ, мечущихся по окопу или же сидящихъ на самомъ днѣ, съежившись въ комокъ. Лицо блѣдно, глаза готовы выскочить изъ орбитъ, губы высохли и плотно сжаты, руки дрожатъ, ноги трясутся. Бросаетъ то въ холодъ, то въ жаръ. Ждешь съ замираніемъ, что вотъ-вотъ прилетѣвшій снарядъ положитъ конецъ нестерпимому мученію. Вдругъ приходитъ блѣдный, испуганный солдатъ отъ взводнаго-его „холуй“ * и передаетъ приказаніе идти изъ нашего отдѣленія за патронами, вѣрнѣе — отдать приказаніе, чтобы носильщики патронъ поднесли ихъ намъ. Отдѣленный нерѣшительно смотритъ на насъ, и потомъ говоритъ глухимъ голосомъ.

— У меня мало людей осталось!

— Ребята, кто пойдетъ добровольно? Дѣло серьезное.

— Тамъ, гдѣ мы вчера переползали черезъ мертвыхъ — очень опасно.

— Уже шесть человѣкъ убито тамъ... Тамъ навѣрняка убьютъ, — говоритъ трясущійся холуй.

* Холуями солдаты наз. тѣхъ, кто любилъ прислуживаться начальству и — деньщиковъ.

— Почему съ ранеными не передали?
— Они идутъ другимъ ходомъ.
— По телефону приказать.
— Провода оборваны.
— Эхъ! . . . Ну, братцы, кто идетъ?

Мы всѣ молчали. Идти на вѣрную смерть каждый боялся.

— Я пойду! . . . Все равно умирать — тутъ иль на дорогѣ, — сказалъ ратникъ Галкинъ, котораго мы всѣ считали до сихъ поръ за перваго труса.

— Ты?! Удивился отдѣленный, — а не боишься?

— А развѣ можно не бояться? Развѣ нормальный человѣкъ среди этого ада можетъ не бояться? Боюсь, очень боюсь, но пойду, потому что „хочу" идти, „хочу", чтобы мы, наше отдѣленіе не было послѣднимъ во вз . . .

— Бахъ! . . . бахъ! . . . бахъ! . . . зз . . . з . . .

Чувствую, какъ песокъ засыпаетъ мнѣ лицо, шею, руки. Я зажмуриваю отъ страха глаза такъ плотно, какъ это только вообще возможно. Поднимаю машинально руки къ лицу, голову втягиваю между плечъ, ноги поджимаю подъ себя. Потомъ чувствую пустоту въ головѣ, ощущаю пустоту вокругъ себя и страшную тоску, но это всего на секунду. Въ слѣдующій моментъ я открываю глаза, пробую шевелить руками и ногами. Цѣлы, слава Богу! и безумная волна счастья какъ бы прокатывается по моимъ жиламъ, жажда жизни поетъ свою чудную пѣснь, но сейчасъ же замолкаетъ.

Ужасъ и дрожь охватываютъ все мое существо. Тамъ, гдѣ стояли Галкинъ, холуй и отдѣленный, всего два, три шага отъ меня — зіяла яма, куски шинели, шапка, кровь, кусочки мяса, и что-то сѣро кровавое, похожее на мозги . . . , а въ двухъ шагахъ отъ ямы, вижу моего сосѣда, стараго, бородастаго, запасного Сидорова, который съ душу раздирающимъ стономъ, безпомощный, какъ малое дитя, ворочается, силясь очевидно встать на ноги. Лицо его, окровавленное, страшное отъ боли и испуга, лѣвой стороной лежало на пескѣ. Я бѣгу къ нему на помощь, беру за руку, хочу поднять и, о, ужасъ! Рука вылѣзаетъ изъ рукава шинели. Страшный стонъ, отъ котораго кровь застыла въ жилахъ и зашевелились волосы на головѣ . . . Лѣвая нога раздроблена на сотни частей. Кровь струилась изъ ранъ на песокъ.

— Сани-тары!.. Са-ни-тары-ы-ы!.. О-охъ!.. Да гдѣ же это они?.. Помогите!.. Охъ! Умир.-о-охъ! О-о-о-о! Боже!.. Боже!..

У насъ на глазахъ умиралъ человѣкъ, а мы не могли ничѣмъ помочь ему, мы, трое живыхъ и нераненыхъ изъ цѣлаго отдѣленія въ тринадцать человѣкъ, мучались, глядя на него, и ждали своего конца. И вдругъ снова надъ головой свистъ, холодный, страшный своей быстротой и-трахъ.. трахъ.. впереди, трахъ!.. трахъ!.. сзади. Стремглавъ лечу на земь, какъ будто сильный вѣтеръ подрѣзываетъ мнѣ ноги. Песокъ сыплется на меня, душитъ, давитъ.

— Раненъ! — какъ молнія проносится въ головѣ. Шевелю руками — цѣлы, ногами — не чувствую.

— Оторвало!... — И дикій, животный страхъ охватилъ мою душу и крикъ отчаянія вырывается изъ моей груди.

— Ноги оторвало!.. Ноги-и-и!..

Чувствую, какъ чьи то руки коснулись моего лица, моихъ глазъ; чувствую, какъ мое лицо освобождается отъ песку. Я открываю глаза и вижу надъ собой блѣдное, испуганное лицо Смирнова.

— Ты живъ... какъ я радъ... — И слезы навертываются у него на глаза. Я отплевываю изо рта, а Смирновъ лопаткой разгребаетъ песокъ, которымъ меня завалило.

— Ноги...

— Цѣлы! Успокоительно говоритъ онъ — тебя только завалило краемъ окопа. Еще двадцать пять, сорокъ сантиметровъ и шрапнель сдѣлала бы изъ насъ тоже самое, что изъ Галкина, отдѣленнаго и того „холуя". — Наконецъ я встаю, какъ послѣ долгой болѣзни, на ноги. Изъ глазъ невольно льются слезы радости. Я жму руку Смирнову и ищу глазами нашего третьяго товарища, но отъ него остался только трупъ, съ разможенной головой.

Нѣмецъ все сыпалъ и сыпалъ снарядами и шрапнелью какъ изъ рога изобилія. Ружейная и пулеметная трескотня усилились. Наши тоже открыли сильный артиллерійскій огонь, но черезъ полчаса перестали. Нѣмцы же, на-

оборотъ, усилили огонь, очевидно приготовляясь къ аттакѣ. Раненые все шли и шли одинъ за другимъ съ блѣдными, испуганными и измученными лицами.

Нѣкоторые сообщали такія свѣдѣнія, отъ которыхъ морозъ подиралъ по кожѣ. Съ тоскою и сильною злобой гляжу на ярко-блестящее солнце, какъ бы земершее посрединѣ яснаго голубого неба.

— Ахъ, ужъ скорѣй бы день прошелъ и наступила желанная ночь!

Думаю о жизни и смерти. Страшно жить въ такія минуты, но умирать еще страшнѣй. Оглядываюсь кругомъ. Картина не привлекательная, хотя солнце и свѣтитъ ярко, хотя песокъ и кючочки снѣга по холмамъ ослѣпительно блестятъ и темной зеленью своей заманчиво манятъ дальніе сосновые лѣса, — но тѣ нѣсколько убитыхъ и разнесенныхъ на части товарищей, эти истекшіе кровью раненые, лежащіе безпомощно на холодномъ, блестящемъ пескѣ, среди вырытыхъ ямъ въ промерзшей на три вершка землѣ — портятъ и омрачаютъ до черна и яркое солнце, и блескъ полей и чистую зелень сосновыхъ лѣсовъ. — Огонь сталъ понемногу утихать, а часамъ къ 12 настала сравнительная тишина. Самъ не знаю, какъ разговоръ нашъ съ Смирновымъ перешелъ съ этого ужаса на родину. Мы вспоминаемъ родныхъ, знакомыхъ, а потомъ снова переносимся къ суровой дѣйствительности и оба мы пришли къ тому, что война-это зло,

хуже и безчеловѣчнѣе котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ, зло, передъ которымъ „блѣднѣютъ всѣ ужасы міра“.

И Смирновъ и я думали, что лучше быть безъ ноги, безъ руки, потерять глазъ, но все же жить. Развѣ нельзя безъ нихъ жить? Можно! Будемъ работать, писать; можо быть камимъ-нибудь надсмотрищикомъ. мы оба лучше согласились бы быть калѣками, уродами, чѣмъ умирать на 22 году, не зная жизни, не испытавъ счастья. . . .

Къ намъ пришелъ взводный съ тѣмъ, чтобы наше отдѣленіе стрѣляло, но когда увидѣлъ, какъ пострадало оно, ничего не сказалъ, опустилъ глаза и крупныя слезы закапали у него изъ глазъ.

— Отдѣленный? — Разнесло на куски. . .

— Я за всю компанію не знаю такой убыли въ людяхъ. . . въ окопахъ — добавилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Около трехъ часовъ снова началась мука; опять тоскливое и боязливое ожиданіе смерти, опять понеслись надъ нашими окопами стоны, опять длинной вереницей потянулись раненые изъ первой роты, которая пострадала болѣе всѣхъ. И ко всѣму этому страху прибавился ужасъ отъ парящихъ надъ нами съ злымъ ворчаніемъ аэроплановъ. Наши по нимъ стрѣляли. Оскоки летѣли къ намъ въ окопы, пугая насъ.

На землѣ и въ воздухѣ открылся адъ. Гулъ орудій, лай пулеметовъ и трескотня винтовокъ не смолкали до самаго вечера.

„Избави Богъ, если пойдутъ въ наступленіе! говоритъ Смирновъ — пропадемъ... Поддержки ждать нельзя — за нашими окопами ровное поле на полверсты. По немъ и заяцъ не пробѣжалъ бы...“

Не помню, какъ наступилъ вечеръ, какъ стихъ огонь, какъ пришли въ окопы новые люди — стрѣлки, меленкіе, живые, безъ страха, смѣлые. Словно сквозь сонъ мерещится мнѣ все это.

Мы спѣшили бросить проклятое мѣсто; толкаемъ и подгоняемъ, тѣхъ которые шли медленно.

Сердились, ругались, сквернословили.

Выбравшись изъ окоповъ въ ходъ сообщенія многіе стали вылѣзать наверхъ, но шальныя пули загоняли нетерпѣливыхъ обратно. Въ концѣ хода собщенія стали было сстраиваться, но чаще слышимое ззз..дзз,.. заставило многихъ идти на свою отвѣтственность. Кто-то побѣжалъ. За нимъ побѣжали еще и еще. Кто то упалъ, загремѣлъ котелкомъ о винтовку. Вскрикнулъ. Раздались проклятья. Загудѣлъ одинокій выстрѣлъ и гостинецъ,* другой. . Поднялась паника. Солдаты, какъ напуганное волкомъ стадо, бѣжали кто-куда попало. Падали, вставали, снова падали, сквернословили, наскакивали одинъ на другого, ругались и снова разбѣгались. Ни ротныхъ, ни фельдфебелей, ни даже взводныхъ,—какъ будто сквозь землю провалились.

* Гостинцами наз. тяжелые снаряды.

Сначала я бѣжалъ впереди, потомъ началъ отставать и наконецъ, долженъ идти шагомъ. Дышалъ часто. Сердце билось такъ, что его біеніе я слышалъ на ходу. Мало по малу я остался одинъ. Я насилу тащился и выбившись окончательно изъ силъ, какъ подкошенный, свалился на холодную землю, уставивъ глаза въ далекое, покрытое тысячою звѣздъ небо. Недалеко отъ меня чернѣлъ густой стѣной сосновый лѣсъ. Издали доносились звуки ружейнаго огня.

Мокрая отъ пота руб шка и шинель стали студить. — Я боялся простуды, но вставать не хотѣлось — такъ было пріятно лежать и отдыхать на промерзлой землѣ. Хотѣлось пить. Встаю и, какъ разбитый, тащусь къ лѣсу. За деревьями вижу немного снѣга. Присаживаюсь, сбираю сверху, отбрасываю въ сторону и только потомъ начинаю класть снѣгъ въ ротъ. Прошло минутъ пять. Вдругъ гдѣ то вдали загудѣлъ выстрѣлъ. Какъ электрическая искра пробѣжала во мнѣ мысль уйти отъ этого мѣста какъ можно дальше. Иду отъ проклятаго мѣста скоро. Здѣсь каждый шагъ политъ человѣческой кровью. Бѣжать, бѣжать..

Въ лѣсу тишь. Жутко. Огромныя сосны сплели надъ дорогой, на которую я нечаянно попалъ, непроницаемый для звѣздъ- сводъ. Неба не видно и лишь изрѣдка, гдѣ вѣтви сосенъ немного рѣдѣли, на секунду покажется кусочекъ темносиняго неба, одинокая звѣздочка, а тамъ снова все скроется въ кромѣшную тьму.

Минутами въ лѣсу было такъ тихо, что казалось — будто небо и земля вымерли и я на цѣломъ свѣтѣ одинъ одинешенекъ, какъ будто пережитый сегодня ужасъ — былъ чѣмъ то невѣроятнымъ, что онъ остался гдѣ то далеко позади, а здѣсь царятъ тишина, спокойствіе, здѣсь властвуетъ надъ измученнымъ человѣкомъ — миръ и тихое счастье.

Только на другой день къ вечеру я нашелъ свою роту, при чемъ ротный командиръ выругалъ меня отеческимъ тономъ, далъ выпить изъ своей фляжки немного коньяку для подкрѣпленія силъ и сейчасъ же, для примѣра другимъ, приказалъ поставить подъ ружье.

Jindř. Hradec 1917.

ПОХОДЪ.

Изъ записокъ солдата.

Въ лѣсу темно, какъ въ могилѣ. Съ невидимаго неба падалъ не то снѣгъ, не то дождь. Холодный, пронзительный вѣтеръ упыло свистѣлъ и вылъ внизу, ползалъ по раскислой землѣ, шуршалъ полусгнилыми прошлогодними листьями, качалъ стонающія верхушки старыхъ сосенъ и особенно съ страшной злобой пронизывалъ мокрыя шинели „дневальныхъ" солдатъ, добираясь до самаго тѣла, стараясь заглянуть какъ бы въ самую душу, проклинающаго свою судьбу, человѣка. И что то нестерпимо жуткое, тоскливое слышалось въ скрипѣніи деревьевъ въ дикихъ завываньяхъ декабрьскаго вѣтра, въ его протяжныхъ стонахъ и вопляхъ.

Въ наскоро вырытыхъ землянкахъ, тѣсныхъ, душныхъ, низкихъ и грязныхъ, слышно было храпѣніе и крики сонныхъ солдатъ, которые уже третій день „отдыхали„ отъ ненормальной жизни въ окопахъ, гдѣ было по колѣно грязи, гдѣ съ минуты на минуту ожидаешь, что тебя вотъ — вотъ подкоситъ шальная пуля или прикроетъ, разнесетъ по кускамъ снарядъ. И эта вѣчная боязнь смерти, началь-

ства, грязные, не доѣдая и не досыпая, заѣдаемые насѣкомыми, теперь солдаты спали болѣе или менѣе спокойно (какое же спокойствіе солдату во время войны), забывшись сномъ, который унесъ многихъ изъ этихъ страдальцевъ на родину, опустилъ ихъ на своихъ волшебныхъ крыльяхъ среди родной хаты, въ кругъ семьи, невѣсты, знакомыхъ и лишь немногіе не могли оторваться отъ скверной дѣйствительности: видѣли бой, слышали крики и стоны, жужжаніе пуль, визгъ снярядовъ.

Было уже далеко за полночь, когда отъ одной землянки къ другой, бѣгали черные солдаты и кричали глухо, испуганно:

— Въ ружье!.. Въ ружье!

Нехотя и ежась отъ холода, почесываясь и медленно, медленно, стуча зубами, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, вылѣзали изъ своихъ вонючихъ, но теплыхъ норъ, солдаты — защитники родины.

Черезъ полчаса они уже двигались по четыре по темной, грязной и скользкой дорогѣ, цѣпляясь ногами за корни деревьевъ, раскинувшихъ свои сильныя руки во всѣ стороны.

Тьма - хоть глаза выколи.

Шаговъ черезъ сто солдаты уже разбрелись по лѣсу, выбирая для ногъ сухую дорогу. Многіе изъ нихъ падали въ ямы, наполненныя водой, проклинали, забирали въ сторону, снова падали —ругая всѣхъ и все — начиная съ Бога и кончая начальствомъ.

Нашъ ротный для примѣра другимъ салда-

тамъ шедшій впереди съ фонарикомъ на груди, вдругъ ухнулъ по поясъ въ воду,

Фонарикъ погасъ, оставшись въ лужѣ.

Выбравшись изъ ямы при помощи взводнаго и подпрапорщика, онъ злобно закричалъ:

— Деньщикъ, лошадь!

— Ну, вотъ, такъ то лучше... Федька и мнѣ лошадь — тихо приказывалъ товарищу балагуръ и весельчакъ Смирновъ,

Солдаты засмѣялись. Смѣхъ еще больше усилился, когда Смирновъ вдругъ очутился въ болотѣ.

— Плыви лѣвѣй! Кричитъ кто-то ему.

— Искупался, хоть до крещенія и далеко.

— Смирно! Ровняйсь!

Раздается ропотъ. Подпрапорщикъ кого-то съѣздилъ по уху, наставительно говоря:

— Чего ты брешешь, чертовъ сынъ? Дисциплины не знаешь? А?

Пройдя версты три, рота такъ измучилась, какъ будто прошла безъ остановки двадцать верстъ. Ругань и проклятья сыпались изъ каждаго рта. О порядкѣ, не смотря на крики и ругань ротнаго — нечего было и думать, такъ какъ каждый старался идти тамъ, гдѣ было лучше его ногѣ.

Наконецъ выбрались на шоссѣ, гдѣ должны были ожидать весь полкъ. Послѣ короткой передышки снова тронулись.

Шинели были мокры отъ дождя, а рубашки отъ пота. Въ сапогахъ — полно. Патронташи рѣзали шею такъ, какъ никогда

передъ тѣмъ. Ранцы оттягивали назадъ, винтовки рѣзали шею. Многіе несли ихъ, пользуясь темнотой, въ рукахъ, кое-кто повѣсилъ на ремень, но такъ или иначе она давала себя чувствовать. Мѣстами грязь была такой густой, липкой, что у многихъ оставались въ ней сапоги, подметки, каблуки.

Насъ велъ штабсъ-капитанъ Иваненко, самый жестокій и безчеловѣчный офицеръ изъ всего нашего полка, а можетъ быть и дивизіи, считающій солдатъ за „пушечное мясо" не имѣющихъ для него иного названія, какъ „дрянь". Обыкновенно „мясо" при видѣ своего любимца, скрежетало зубами и не разъ я слышалъ, какъ солдаты говорили о томъ, что его надо „убрать" во время боя.

Но не убрали: когда начинался бой онъ, какъ Кощей-Безсмертный, куда то изчезалъ и снова являлся только тогда, когда „считать мы стали раны."

Сегодня была страшно темная ночь, удобная для мордобитій и нагайки.

То тамъ, то здѣсь слышался его отборный лексиконъ сквернословій, которому могъ позавидовать любой портовикъ или ломовой извозчикъ. Даже сами солдаты, не только господа офицера, удивлялись его краснорѣчію, отъ котораго у нѣкоторыхъ богобоязливыхъ волосы на головѣ шевелились отъ ужаса.

Иваненко, какъ говорили про него, обворовывалъ весь свой баталіонъ, но такъ умѣло, что его хитрости и искусству только надо было

удивляться. — О людяхъ онъ никогда не заботился.

Сыты ли они, обуты, главное, чтобъ они боялись его какъ огня, ходили въ ногу и какъ по стрункѣ и всегда „ѣли“ начальство глазами.

Идемъ часъ, два. Зашли въ такое мѣсто, что хоть ложись и умирай — столько тутъ непролазной грязи... Слышна команда: Стой!

— Стой! ... Стой!

Несется по цѣпи и мы, какъ подкошенные, валимся на поле, мокрое, топкое.

Въ душѣ, кромѣ злости и ненависти, нѣтъ ничего.

Тѣло ноетъ отъ усталости. Хочется пить.

Подтягиваются отсталые.

— Какая рота, ребята?

— Семнадцатая!

— Дуракъ! Тебя по добру спрашиваютъ.

— Товарищи, какой взводъ?

— Четвертый!

— А рота?

— Пятая!

— Ну, слава Богу, нашелъ... Васютинъ, гдѣ ты?

— Тутъ, я. Иди сюда, Иванъ.

— Вставай!.. Въ ружье! — снова проносится по цѣпи. Встаемъ, но нѣкоторые все еще сидятъ и лежатъ.

Тронулись.

— Полячекъ, вставай.

— Я не иду—не могу! слабо говоритъ тотъ.

— Подожди, тебя Иваненко подыметъ.

— Плюю я на него!.. на всѣхъ и все — понимаете?

Прошли шаговъ двѣсти.

Какой то офицеръ отцѣпляетъ насъ человѣкъ двадцат на помощь лошадямъ съ засѣвшей въ болотѣ кухней.

Заткнувъ полы шинели за поясь, мы беремся мокрыми руками за грязныя спицы колесъ — но всѣ наши усилія напрасны, такъ какъ правая пристяжная, выбившись изъ силъ, рѣшила лучше упасть въ грязь и захрипѣть, чѣмъ везть проклятую кухню дальше.

Понемногу наша партія стала разбѣгаться и насъ осталось всего человѣкъ шесть.

Мы тоже ждали удобнаго случая прыснуть. Офицеръ поймалъ одного летчика и сталъ выспрашивать его—какой онъ роты и т. д.

На всѣ вопросы солдатъ ничего не отвѣчалъ, крѣпко прижимая къ себѣ винтовку.

И вдругъ бросился бѣжать и сейчасъ же скрылся въ темнотѣ. Офицеръ пустился за нимъ' съ крикомъ:

— Стой! Стой, мерзавецъ, застрѣлю какъ собаку!

Но, „мерзавца“ и слѣдъ пропалъ.

Стало замѣтно бѣлѣть. Вѣтеръ, задувъ два, три раза съ особенной силой, началъ стихать.

Валившаяся съ неба дрянь превратилась въ одинъ густый, какъ ситецъ, туманъ. Въ десяти шагахъ ничего не было видно. Шли по страшному мѣсиву — куда? Не знала ни одна

душа — конечно солдатская; офицеры знали, но молчали, не считая нужнымъ сообщать объ этомъ „мясу“.

Снова сдѣлали привалъ.

Солдаты валились на землю какъ мухи.

Слышались стоны и проклятія.

Недалеко отъ меня ругаются—полякъ съ нашими.

— А за что я буду воевать хорошо? За Россею? На кой чертъ она намъ? Намъ Польшу давай, мы за Польшу будемъ умирать, а не за Москалей.

— Ахъ, ты польская морда,—слышу я вѣскій аргументъ спорящаго солдата — а мы за что воюемъ, какъ не за васъ, за вашу проклятую, на молокѣ прохлебанную Польшу!

—Подожди, москевска холера, и вы Москву пропьете.

Слышу пощечину и строгій голосъ.

— Ты польская „пщакревъ“ въ чьей арміи? Ты что разоряешься? Хочешь, чтобъ доложилъ ротному? Онъ тебѣ укажетъ — „москевска холера“.

Разъ, разъ! Опять тотъ же звукъ.

Полякъ замолчалъ.

Наши тоже притихли, очевидно не предвидя такого конца ихъ „пустяковаго“ спора, который хоть и носилъ въ себѣ злые зародыши, но былъ чисто семейный.

Сидимъ около получаса. Какъ легкій вѣтерокъ, проносится чье то: „Не на ту дорогу попали“.

Въ какую сторону ушли — ближе или дальше отъ смерти?

— Намъ. братъ, отъ нея не уйдти.

— Нашего брата вездѣ найдетъ.

— На днѣ моря сыщетъ.

— Что и говорить — не мы ее, проклятую, она насъ ищетъ.

— Насъ посылаютъ къ ней въ лапы.

— Ребяты, бросьте, не плачте какъ бабы. Тошно васъ слушать — говоритъ голосъ отдѣленнаго — съ вами пропадешь — ноютъ и ноютъ, какъ псы на мѣсяцъ. По моему зачѣмъ зря болтать—пришла смерть — умирай по солдатски. Слезами да нытьемъ себѣ не поможешь.

— Это вѣрно, отдѣленный!

— Вамъ молодымъ можно говорить, а каково намъ старикамъ? Не умирать страшно, а боюсь за семью: жена, пять человѣкъ дѣтей, а получаютъ всего пять рублей на мѣсяцъ... убей меня — пропадутъ съ голоду, вотъ чего боюсь, а не смерти. За нихъ душа болитъ.

Мокрые, измученные и злые слѣдимъ за скачущими туда и сюда на взмыленныхъ лошадяхъ ординарцами.

Видимъ, что должно нѣчто произойдти.

— Назадъ! раздается по цѣпи. Поднимаемся съ проклятьями.

— И такъ всегда, — злобно ворчитъ мой сосѣдъ, сверкая глазами — цѣлую ночь мучаешься, а потомъ — иди назадъ... И когда же этому конецъ! Когда?... Знать и вправду Бога нѣтъ, коли Онъ допускаетъ такой грѣхъ?

— Конечно нѣтъ, съ увѣренностью говоритъ Смирновъ — о Богѣ намъ выдумали попы, чтобъ, насъ, дураковъ пугать чѣмъ нибудь.

— Замолчи, ты... Богъ есть, только Онъ терпитъ наши грѣхи до поры, до времени.

— Бога нѣтъ — есть одна нагайка, говоритъ Смирновъ — и я боюсъ этой нагайки больше чѣмъ вашего Бога. Я вамъ скажу, ребята одно: зачѣмъ Богу нужна эта война? эта наша кровь, слезы нашихъ женъ и дѣтей?

—Зачѣмъ? Почему мужики на своихъ костяхъ должны строить господамъ ихъ счастье...

—Мы воюемъ, кровь проливаемъ, а они дома сытые, одѣтые, довольные газетки почитываютъ!

Почему это? Развѣ такъ Богъ хочетъ? Нѣтъ, для Бога всѣ люди равны — нѣмцы, турки....

— Ну, это ты врешь, Смирновъ — то нехристи, а мы православные.

— Ты дуракъ, хоть борода у тебя и по колѣно, рѣзко обрываетъ его Смирновъ.

— Ты пойми — что мы всѣ отъ Адама — значитъ всѣ мы братья. А коли такъ — вашъ Богъ хочетъ, чтобъ братья убивали другъ друга? Онъ хочетъ видѣть войну? А? А какъ же сказано, что Богъ есть любовь? Хороша любовь, хорошъ Онъ съ своей Правдой, Милосердіемъ... Я вамъ говорю, вѣрьте мнѣ, — Бога нѣтъ. А сели есть — то пусть Онъ накажетъ меня при всѣхъ...

Солдаты притихли. Въ другое время многіе бы защищали Бога, но теперь, когда снова мѣсили грязь, когда тяжелыя шинели, ранцы, патронташи и винтовки давили книзу, когда по мокрому тѣлу пробѣгала дрожь, когда желудокъ просилъ ѣсть, а сердце готово лопнуть отъ кипящей злости и когда густой туманъ „такъ тяжело отзывался на настроеніи солдатъ,“ никто изъ нихъ не произнесъ въ защиту Бога ни одного слова, въ тайникѣ души, боязливо и робко думая — и на самомъ дѣлѣ Его, навѣрное, нѣтъ, иначе какъ Онъ могъ допустить такой ужасъ и зло?“

Съ шоссе повернули налѣво и черезъ полчаса взошли въ деревню. Здѣсь мы остановились на отдыхъ. Деревня сразу ужила. Трещали заборы. полисадники, отламывались сухія доски половъ, вытягивали на „разжижку“ сухую солому изъ крышъ, стодолъ, рубили деревья, часто безсмысленно — и все это дѣлали такъ, чтобъ не видѣло начальство.

И оно не видѣло на самомъ дѣлѣ! Въ этотъ разъ оно было слѣпо...

Тамъ кипятили чай, тамъ варили картофель, тутъ жарили или варили уцѣлѣвшую курицу, гуся — давъ за эту роскошь огромныя деньги не убѣжавшему еще поляку.

Татаринъ Ибрагимъ и Смирновъ варили паросенка, котораго поймали въ полѣ.

— Наши бѣгутъ, бросаютъ все — такъ хоть, ребята, поживимся поросятиной — говоритъ Смирновъ, подкладывая дровъ въ огонь.

— Бросаютъ, глупые, даже коровъ. Разсказывали: въ одну деревню ночью прiѣхали козаки съ крикомъ — спасайтесь! Нѣмцы тутъ, по пятамъ за нами гонятся. Ну, извѣстно дѣло! Нашъ братъ глупъ — схватилъ кто что могъ, бросилъ на возъ перины, подушки да и айда изъ деревни. А тѣмъ того и надо было. Набрали даромъ всего и уѣхали.

— Но, это, ты братъ, наливаешь, — недовѣрчиво замѣчаетъ кто-то.

— Не вѣришь — не надо, мнѣ все равно, мнѣ на твою вѣру...

Солдаты смѣются.

Съѣли поросенка, немного осушились на огнѣ.

Позалѣзали въ стодолы, въ избы, на чердаки — спимъ до самого обѣда. Никто еще ничего не знаетъ. Даже холуи молчатъ, а они должны бы знать все вмѣстѣ съ своими офицерами. Набравъ обѣдъ, снова спѣшимъ залѣзть въ свои дыры. На дворѣ грязно, сыро — все напоминаетъ собой только что прожитый безсмысленный походъ. Небо сѣро и тоскливо. Свинцовыя тучи ползутъ низко надъ головами, какъ бы намѣреваясь собой придавить эту живую массу грязныхъ, вшивыхъ людей, похожихъ на ошалѣвшихъ муравьевъ. Голыя деревья наводятъ тоску. Свистящiе порывы вѣтра пробираютъ до костей и гонятъ скорѣй подъ крышу или шинель — подъ которой такъ живо рисуется картина домашней жизни.

Часовъ въ 5 построили нашу роту — безъ амуниціи, какъ была.

Въ воздухѣ запахло чѣмъ то неладнымъ. У всѣхъ лица напуганы. Похожи на стадо барановъ, ждущихъ наказанія отъ жестокаго пастуха. Ротный встревоженъ. Его разбудили и онъ еще до сихъ поръ не пришелъ въ себя.

Раздается надоѣвшая команда — Смирно!

— Здорово братцы — Н-градцы!

— Здравія желаемъ ваше в-сок-родіе!

Дружно гремитъ рота.

Полковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, высокій, стройный, настоящій гвардѣецъ, изъ богатой аристократической, кажется, польской семьи, нахмуренъ, золъ. Глаза блестятъ. Быть бурѣ.

— 7-ая, я васъ всегда считалъ за одну изъ славныхъ ротъ моего полка. 17 лѣтъ я въ немъ служу, а еще ни одно грязное пятно не коснулось его славнаго имени, не запачкало его стараго истрепанаго въ бояхъ знамени.

Не помню ни одного случая, чтобъ мой солдатъ нарушилъ дисциплину въ походѣ. Но сегодня какой то негодяй замазалъ, осквернилъ наше славное знамя, обезчестилъ нашъ полкъ.. Я не допущу грабежа. Солдатъ долженъ быть солдатомъ, а не воромъ. Не такъ, ли, ребята?

— Такъ точно ваше — в-ско-родіе!

— Ну, вотъ, сами сознаете, что плохо сдѣлали.

— Такъ точно...

— Спасибо вамъ за это.

— Рады стараться, ваше в-ско-родіе!

— Кто укралъ у „пана“ поросенка — признайся.

Тихо, никто не шевельнется.

— Кто виноватъ? выходи впередъ!

— Какъ убитая, молчитъ „боевая“.

— Не сосваетесь? Въ послѣдній разъ спрашиваю — созна-етесь или нѣтъ?!

— За одного негодяя отвѣтитъ мнѣ вся рота. Я съ вами посчитаюсь!..

Схвативъ изъ середины роты перваго попавшагося на глаза солдатика, у котораго душа ушла въ пятки, полковникъ гаркнулъ изо всей силы, тряся его за грудь.

— Ты, подлецъ, укралъ поросенка. Я тебя, мошенника, по глазамъ вижу!

— Никакъ нѣтъ, моя не бралъ... Мой парасенокъ не можетъ кушать, мой магометанъ, ваше в-ско-родіе!

— А! Я васъ знаю!... Вы на свиное мясо первые охотники!

Кто то засмѣялся изъ солдатъ. Полковой командиръ поблѣднѣлъ. Рота затряслась отъ страха. Ротный вытянулся въ струнку.

— Смѣяться въ строю?! Скотина! да вы знаете ли, учили ли васъ тому, что строй с в я т о е мѣсто... Кто смѣялся? выходи ко мнѣ. Разъ... дна... три!...

Изъ нашихъ рядовъ вышелъ сибярякъ Волошинъ и смѣло взявъ подъ козырекъ, подошелъ къ полковнику.

— Ты смѣяся?

— Такъ точно ваше высокородіе.

— Чему? Что смѣшного услышалъ?

— Насчетъ свинины, больно чудно.

— Кому ты смѣялся — татарину или свиньѣ?

— Свиньѣ, ваше высокородіе.

— Той, которую вы съѣли? вдругъ неожиданно обрушился полковникъ.

— Та свинья, была глупой — сама пришла въ котелъ — съ поля...

— Ты съ кѣмъ разговариваешь, скотина? Заревѣлъ полковникъ, покраснѣвъ и затопавъ ногами — Ахъ, ты хамово отродье!

И развернувшись изо всей силы онъ такъ ловко ударилъ солдатика, забывшаго о „святости" строя, что тотъ сразу кубаремъ откотился отъ полковника.

— Пошелъ на мѣсто, дуракъ!... Всю роту, выпорю, если не признаетесь — закричалъ онъ, повысивъ голосъ, какъ это бываетъ у нервныхъ женщинъ.

Сначала блѣдный, какъ полотно, вышелъ Ибрагимъ, а за нимъ, сверкая глазами — Смирновъ.

— Негодяи! Гаркнулъ полковникъ.

— Тамъ на родинѣ за насъ по церквамъ молебны служатъ — снисполи, Боже, побѣды христолюбивому воинству, а это „воинство" воруетъ поросятъ у своихъ же жителей.

Кто научилъ васъ воровать? гдѣ, въ какомъ уставѣ вы это вычитали? (солдатъ обво-

ровывать можно — но солдатамъ воровать нельзя !).

Что съ вами сдѣлать? Отдать подъ судъ? не стоитъ. Остается одно — дать вамъ хорошую баню.

— Николай Ивановичъ ! обратился онъ къ Иваненкѣ — пожалуйста присмотрите за „выдачей каши" этимъ молодцамъ.

— Слушаю, г-нъ полковникъ.

— Дайте имъ штукъ сто горячихъ обоимъ.

— А за смѣхъ?

Полковникъ немного подумалъ и сказалъ:

— Тому 25 вполнѣ достаточно.

Поклонившись, командиръ ушелъ къ себѣ.

Черезъ полчаса все было приготовлено къ торжеству. Для большаго великолѣпія былъ построенъ боталъонъ, образуя собой 4 стѣны. Посрединѣ образовавшагося пространства стояла широкая скамейка а около нея штукъ 30 свѣжесрѣзанныхъ ивовыхъ, гибкихъ, прутьевъ.

Налѣво стояли трое виноватыхъ, направо офицера батальона, палачъ и нѣсколько помощниковъ.

Первый легъ на холодную скамейку, снявъ сначала штаны, Ибрагимъ.

Двое солдатъ — одинъ за руки, другой за ноги — придерживали его, чтобы онъ не могъ шевелиться.

— Начинай ! скомандовалъ Иваненко.

Солдатъ, съ засученными по локоть рукавами, высоко взмахнулъ правой рукой и длин-

ный, гибкій прутъ со свистомъ прорѣзавъ воздухъ, мягко врѣзался въ тѣло татарина.

Тотъ рванулся всѣмъ тѣломъ, но не издалъ ни одного звука. Солдаты еще крѣпче и сильнѣй прижали его къ позорной скамьѣ.

Потомъ рука палача то поднималась, то опускалась съ новымъ свистомъ, оставляя на тѣлѣ Ибрагима темнокрасныя полосы. Не хотѣлось вѣрить тому, что каждый изъ насъ видѣлъ — казалось, что чья то невидимая рука перенесла насъ въ 17—18 вѣка, когда отцы-помѣщики сдирали плетями кожу съ своихъ подданныхъ.

Слезы обиды, оскорбленія и негодованія за человѣка, за своего брата-солдата, который принесъ на алтарь передъ дорогой родиной все свое лучшее - молодость, силу здоровье и даже жизнь — блестѣли на многихъ глазахъ. Не было такого человѣка, за исключеніемъ безчеловѣчнаго ботальоннаго Иваненки, у кого бы не обливалось кровью сердце при видѣ истязанія.

— Разъ, два, три ... десять! слышалось считаніе фельдфебеля.

— Дай новый! приказываетъ Иваненко палачу — не жалѣй лѣса и прутьевъ ...

— Не такъ, не такъ, сволочь, бьешь ... Смотри, скотина, а не то тебя положу ... Дай сюда ... Видишь, какъ надо!

И взявъ свѣжій прутъ, Иваненко концомъ, не очень сильно размахиваясь — врѣзалъ въ тѣло Ибрагима такъ ловко, что тотъ сильно завертѣлся.

— Ну, смотри... Видишь: какъ змѣя извивается... Пускай конецъ въ дѣло, а не середину... голова!

— 50! какъ то съ облегченіемъ выкрикнулъ фельдфебель. Санитары положили Ибрагима на носилки, прикрыли одѣяломъ и унесли.

Кругомъ стояла мертвая тишина. Многіе изъ офицеровъ не выдержали конца пытки и ушли изъ проклятаго круга. Оставшіеся не смѣли поднять глазъ и посмотрѣть въ сверкающіе злобой глаза ботальона.

Кажется, каждый изъ нихъ думалъ тоже самое, что и мы: да, время рабства еще не прошло въ Россіи. Долго, долго насъ будутъ пороть — безъ суда, безъ допроса... Розложили и рвутъ тѣло живого человѣка такъ, что теплая, липкая кровь густыми каплями падаетъ на земь, на скамейку, смачивая орудіе наказанія. Главное, никто не могъ доказатъ что поросенокъ былъ поляка. При отступленіи люди бросали и на самомъ дѣлѣ коровъ, телятъ. Можетъ быть и этотъ поросенокъ былъ брошенъ — кто знаетъ?

Но нашъ командиръ хотѣлъ быть „благороднымъ" по отношенію къ польскмъ „панамъ" и приказывалъ лупить свое полковое „мясо". Вторымъ легъ за смѣхъ въ святомъ строю. Послѣ него Смирновъ.

— Получивъ первый ударъ, онъ громко закричалъ:

— Застрѣлите лучше меня! Я не воръ.. пусть я лучше умру подъ пулей, чѣмъ такъ... позоръ, позоръ...

— Молчишь ты, сукинъ сынъ! Иваненко рявкнулъ.

— Не замолчу, не могу молчать. Я не воръ, я честный солдатъ.. У меня три креста., Я самому государю буду жаловаться...

— Пять, шесть! стараясь заглушить этотъ безумный вопль, выкрикивалъ фельдфебель.

— Мучители... Россію продали...

— Заткни ему горло!...

— Я тебѣ покажу, я тебѣ самъ остчитаю! — и взявъ новый гибкій прутъ, онъ, врезая его въ тѣло Смирнова, ядовито выкрикивалъ: 26... мало? Вотъ еще — 27... на, получай — 28 — 29... Я тебя научу.. кричалъ Иваненко.

Смирнова отнесли въ околодокъ безъ памяти. Насъ распустили, скамейку отнесли; капли солдатской крови засыпали пескомъ.

Ночью мы снова выступили въ такой же безцѣльный походъ и съ трудомъ нашли то самое мѣсто, откуда мы вышли прошлой ночью съ тѣмъ, чтобъ утромъ убѣгать отъ окружающаго насъ непріятеля.

„Вотъ видишь! Все-таки Богъ наказалъ Смирнова за его богохульство“, говорилъ дорогой мнѣ какъ то особенно торжественно ратникъ Кузьма, сверкая глазами.

„Все-таки Богъ есть!“

Jindř. Hr. 1917.

НА ОТДЫХѢ.

(Изъ записокъ солдата.)

Съ темнаго, какъ бездна, неба падалъ мелкій густый дождичекъ. Рѣзкіе порывы вѣтра, признакъ близкаго разсвѣта, пронизывали солдатъ до самыхъ костей. Сидя и лежа въ неглубокомъ, то и дѣло осыпающемся окопѣ, прикрытомъ сверху молодыми соснами, соломой и пескомъ, солдаты дрожали, стуча зубами, проклиная погоду, а еще больше того, кто ихъ бросилъ вдаль отъ ихъ семей, отъ ихъ родныхъ полей въ поясъ ужаса и мерти,

Большіе, грязные капли съ прикрытія падали солдатамъ за шею, ползли по тѣлу, впитывались въ шапки и шинели, шлепались на голыя руки, стучали по сапогамъ, пропускающихъ воду и сдѣланныхъ на скорую руку мошенникомъ поставщикомъ и принятыхъ же мошенникомъ интендантомъ.

Отъ гнилой соломы пахло рѣзко и сильно. Къ этому запаху примѣшивалась вонь отъ неубранныхъ труповъ и человѣческихъ остатковъ въ особомъ ходѣ — три, четыре шага отъ главнаго окопа.

— Васька, посмотри сколько часовъ, говоритъ чей то злой голосъ.

— Нѣтъ спичекъ.

— Возьми у Семкина.

— У Семкина! огрызается тотъ, — а что я? не вмѣстѣ съ тобой трое сутокъ мокну? Ты спросилъ бы впередъ — есть на мнѣ хоть нитка сухая?

— На, вотъ, предлагаетъ ратникъ Кузьма, только не знаю — не отсырѣли ли?

Послѣ нѣсколькихъ испорченныхъ, наконецъ одна спичка вспыхиваетъ, прорѣзаетъ густую темь, освѣщаетъ ближайшія лица, часы, мокрыя, песчаныя стѣны, прыкрытія, съ милліонами грязныхъ капель, дрожитъ и медленно угасаетъ. Темнота снова вбираетъ всѣхъ въ себя.

— Хотя бы свѣтъ былъ — все веселѣй съ нимъ.

— Сколько? спрашиваютъ трое сразу.

— Безъ десяти пять.

— Что же, развѣ насъ не смѣнятъ? Уже пора!

— Можетъ и не смѣнятъ — кто знаетъ?

— Молчи! типунъ тебѣ на языкъ.

— Молчите вы... проклятые!

— Да какъ молчать то?!

— Меня, братцы, вши заѣли. Всю ночь глазъ отъ нихъ не закрылъ, — вставляетъ Кузьма.

И въ доказательство своихъ словъ, онъ начинаетъ тереться спиной о стѣну, которая сейчасъ же спѣшитъ осыпаться ему и его сосѣдямъ на шапку, шинель, руки и за шею.

— Ахъ, проклятый... Анаѳема, перестанешь ты? весь окопъ обвалилъ!

Многіе сквернословятъ, отводя себѣ душу.

Вдругъ по цѣпи передаютъ команду: „Вылѣзай!“

Мокрые, какъ куры солдаты оживаютъ, схватываютъ свои вещи, на четырехъ ползутъ къ выходу. На верху становятся по отдѣленіямъ и, какъ горячіе кони, съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда имъ скажутъ — „шагомъ маршъ!“

Раздается команда. Солдаты сразу срываются съ мѣста, производя шумъ.

— Тихо, сволочь вы этакая! слышатъ они злой голосъ ротнаго.

— Хотите, чтобъ васъ смѣли пулеметомъ . . . ?

Солдаты съежились, чувствуя свою вину.

Дѣло въ томъ, что мѣсто въ окопахъ, гдѣ они только что сидѣли, корчась отъ холода, было страшно опасное: нѣмцы стрѣляли здѣсь днемъ и ночью такъ, что смѣны ротъ никогда не обходились безъ убитыхъ и раненыхъ.

Сегодняшняя была тихой. Дождь, какъ бы утишилъ и самихъ нѣмцевъ. Они не стрѣляли.

Солдаты тронулись, обходя еще не усѣвшихъ построиться товарищей изъ шестой роты.

Вошли въ лѣсъ. Дождь усилился, барабаня по твердымъ, какъ лубокъ, шинелямъ, стучалъ по листьямъ стараго, мрачнаго лѣса. Рота шла быстро по скверной, скользкой до-

рогѣ. Солдаты, измученные безсонными ночами, цѣплялись ногами за столѣтнія жилы деревьевъ, растянутыя по дорогѣ по всѣмъ направленіямъ, падали, вставали.

Деревушка, куда они спѣшили, была расположена въ лощинѣ и состояла всего изъ трехъ домовъ и двухъ стодолъ — чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ огня и снарядовъ. Самымъ интереснымъ и непонятнымъ было то, что въ этой деревушкѣ, всего пять верстъ отъ первой линіи, жила семья поляка.

Мужъ, жена и двѣ взрослыхъ дочери.

Помню, солдаты говорили у насъ по поводу этого вотъ что:

„Этотъ полякъ живетъ тутъ для того, чтобы офицеры нашего полка . . . цѣлой дивизіи могли посѣщать дѣвицъ.“ Не знаю, сколько было правды въ этихъ словахъ, но извѣстно только то, что поляка выслали изъ деревушки тогда, когда одинъ штабной офицерь заболѣлъ извѣстной болѣзнью. Мы всѣ жалѣли этого поляка, такъ какъ и намъ, солдатамъ, было весело съ нимъ . . .

Въ этой небольшой польской „халупкѣ“ вились всегда офицеры. Оттуда, тогда по цѣлымъ ночамъ раздавались крики, визгъ, хохотъ. Намъ хоть и мѣшали спать — но мы на это не серчали. Да и наши ротные плясуны и гармонистъ Федька-Москвичъ — хорошо подживались у подгулявшихъ офицеровъ. Мы, конечно, отъ этого никакой пользы не имѣли, но зато они намъ разсказывали про начальство

такія вещицы. Наше дѣло что? Мы всегда рады слышать о томъ, какъ грязнятъ не только офицера, но даже и „господина ефрейтора“. Одно слово — солдаты. Наша рота занимала, по счастью, эту деревеньку, а остальныя три помѣщались въ сосѣдней.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда мы подошли къ своему логовищу, а черезъ минуту лежали уже по своимъ мѣстамъ.

Небо сѣрое, нахмуренное, продолжало по прежнему плакать. Вѣтеръ рвалъ на крышахъ уцѣлѣвшую солому, нагло врывался въ щели и разбитыя окна, какъ бы съ торжествомъ говоря:

„Я васъ и тутъ проберу до костей.“

Зарывшись въ перебитую и грязную солому, какъ поросята, мы спѣшили согрѣться подъ мокрыми шинелями и уснуть, забыть пережитые въ окопохъ мучительные дни.

Часа черезъ два, какъ на зло, пришелъ писарь съ письмами, потомъ „Махмулка поваръ“ съ крикомъ:

— Вставай за чаемъ! — хотя на самомъ дѣлѣ никакого чаю не было: вмѣсто него намъ давали жидкій, пшенный кулешъ, съ какою то черной примѣсью. Несмотря на голодъ, мало кто рѣшался ѣсть его. Большинство несло его въ „ямы.“

Сонъ убѣжалъ прочь.

Я занялся охотой. Начинаю считать. На шестидесятой пришелъ ко мнѣ мой пріятель доброволецъ и спрашиваетъ:

— Сколько? Получивъ отвѣтъ, онъ ничуть не удивился.

— Идемте, я вамъ покажу одно явленице... Мнѣ кажется, что русскіе побѣдили мировой реккордъ. —

Мы слѣзли съ чердака по лѣстницѣ.

Дождь пересталъ. Розорвавшаяся на клочки дождевая завѣса быстро неслась на западъ. Мѣстами просматривало чистое, голубое небо, кое-гдѣ золотые лучи солнца падали на темное, пустое поле, блестѣвшее въ лужахъ грязной воды. Вырытыя снарядами ямы были полны до краевъ. Всюду, куда ни кинешь взоръ — безпорядокъ, заброшенность.

— Вотъ. Смотрите сюда! Каково?

Я низко нагнулск надъ теплой фланелевой рубашкой. Она была вся облѣплена кишащими насѣкомыми такъ густо, что ея первоначальный цвѣтъ-синій, теперь былъ сѣрымъ. Все пространство черной, мокрой земли вокругъ рубашки, жило, двигалось, ползло во всѣ стороны.

— Это ужастно! Что? А вы посмотрѣли бы на тѣло этого мученика — одна сплошная рана, полная вшей. Онъ уже не чувствовалъ боли и зуда. Вы не повѣрите, — если бы не товарищи, которые, надѣленные имъ вшами, насильно раздѣли его и подъ руки отвели въ околодокъ — этотъ человѣкъ палъ бы жертвой вшей. Заѣли бы его насмерть.

Ни докторъ, ни сестры, ни фельдшера не видѣли за всю войну ничего подобнаго.

И какъ это можно такъ опуститься? Ахъ,

Боже! — Подошедшій къ намъ въ это время Кузьма, замѣтилъ.

„Онъ сказалъ доктору — мнѣ, говоритъ, все равно умирать — отъ вшей или отъ пули. Пощечину за это получилъ."

Часовъ въ одинадцать построились на обѣдъ.

Къ кухнѣ подошелъ дежурный съ котелкомъ,

Попробовалъ и сказалъ, подставля свой котелокъ:

— Можно и со дна!

Поваръ задѣваетъ ковшомъ со дна самое мясо и вливаетъ дежурному.

— Постой, прибавлю!

Собираетъ сверху жирное, густое и подливаетъ „начальнику" взвода.

За нимъ подходятъ „холуи" фельдфебеля, подпрапорщика, писарь, фельдшеръ и санитары.

Сомо собой понятно, что имъ дается лучшее

— Аристократы! говоритъ кто-то.

— Все выловили!

— Ты, — татарская морда, давай всѣмъ по совѣсти!..

Солдаты волнуются, кричатъ. На ихъ крикъ выбѣгаетъ подпрапорщикъ и на бѣгу бьетъ по шеѣ то одного, то другого.

— Чего вы, скоты, кричите? Ротный спитъ.

Солдаты притихли. Никто не осмѣлился открыть рта, чтобы сказать горькую и правду.

— Развѣ это крошенка? Ни одного кусочка мяса.

— Порціи не хотятъ дѣлать — тогда имъ воровать нельзя будетъ.

— Воруютъ всѣ у насъ, братцы — и маленькіе и большіе. Что, молъ, имъ? Все равно умрутъ, а мы жить будемъ, намъ деньги нужны.

— По .... ѣздить! горько вставляетъ Кузьма.

— Эй, Данилкинъ, поѣлъ? кричитъ писарь.

— Вымой мнѣ бѣлье —получищь порцію мяса.

— Ребята, кто рубашку съ кольсонами вымоетъ? спрашиваетъ фельдшеръ. Всѣ Молчатъ.

— Никто? ... Я вамъ, братцы, пригожусь!

— И безъ тебя умремъ, — насмѣшливо вставляетъ доброволецъ — намъ нѣмцы помогутъ. —

Солдаты смѣются. Фельдшеръ обижается.

— Ну, ладно! Будетъ и на моей улицѣ праздникъ ...

— Господинъ фельшаръ, давайте я вымою. —

Чтобъ захватить во время, пока еще послѣ обѣда не легли солдаты спать, кошеваръ кричитъ.

— Картошку чистить — вечеромъ добавокъ получить. Скорѣй!

— Пошелъ ты къ чертовой матери! Знаемъ мы эту добавку ... катись отсюда горячей колбасой!

— Не вѣритъ твоя? Ей Богу получать!

— Иди, иди... не кричи тутъ, дармоѣдъ!

— Молчи ты, глупый головы! ворчитъ татаринъ. Солдаты громко смѣются.

— Самъ ты „глупый головы“, передразниваетъ его Кузьма. „Эй, ребята, навались на картошку, живѣй!“

— Катись ты отъ насъ, товарищъ, да скорѣй.

Солдаты опять смѣются. Наконецъ нѣсколько человѣкъ медленно ползутъ къ кухнѣ.

— Пошли картошку воровать, говоритъ Кузьма. Мой товарищъ тоже тамъ — надо приготовить дровъ, воды.

Безъ товарища въ ротѣ, какъ въ хозяйствѣ безъ жены — никакъ не обойдтись. Пропадешь совсѣмъ: варишь себѣ чай, — отвернулся на минуту — пропалъ и чай съ котелкомъ; снялъ ранецъ, вышелъ на секунду, уже въ ранцѣ былъ незванный гость. И Богъ знаетъ, какъ все это быстро и ловко исчезаетъ.

Воровство, по кранйей мѣрѣ у насъ, было развито въ сильной степени, а поэтому приходилось всегда прiискивать земляка.

Послѣ ужина то тамъ, то здѣсь кучки солдатъ возились еще, какъ колдуны, у пылающихъ костровъ. Кипятили чай, поджаривали надъ ярко и весело пылающими огоньками своихъ безпокойныхъ спутницъ; нѣкоторые варили украденную на кухнѣ картофель — ожидая, когда она сварится, чтобъ отправить ее по назначенiю въ желудокъ, который у нѣкоторыхъ былъ устроенъ особеннымъ образомъ: онъ могъ принимать пищу котелокъ за котел-

комъ до безконечности; нѣкоторые стояли у костровъ ничего не дѣлая, ничего не ожидая, а просто, — заложивъ руки въ карманы, не мигающими глазами смотрѣли въ огонь, думали то о будущемъ, то радовались за спокойно прожитый день, за то, что не было этого проклятаго, ни къ чему ненужнаго ученія — скочковъ назадъ, впередъ, вздваиванія рядовъ и т. д. Нѣкоторые говорили о томъ, что снова придется зимовать въ окопахъ — то подъ дождемъ, то замерзая отъ страшнаго холода.

Въ нѣкоторыхъ кучкахъ слышался смѣхъ, въ другихъ разсказы, полные ужаса, въ третьихъ — говорили о домѣ, вспоминали свои деревеньки.

Однако большинство роты уже лежало по чердакахъ, въ стодолахъ, въ халупкахъ.

Въ каждомъ такомъ углу была своя жизнь, непохожая на ту, которая кипѣла у костровъ.

Растянувшись на соломѣ, мы, на нашемъ чердакѣ, чувствуя себя счастливыми въ высшей степени, дѣлали свое: многіе уже храпѣли во всю ивановскую, другіе о чемъ то тихо говорили, третьи при слабомъ миганіи свѣчки, вложивъ конецъ карандаша въ ротъ, лежа на брюхѣ, старались придумать написать такую фразу, которую бы дома могли понять; и придумавъ, писали на замазанныхъ листочкахъ почтовой бумаги такими удивительными каракулями, что, ей Богу, эти каракули были похожи на все на свѣтѣ, но только не на русскія буквы; иные чинили сапоги, шинели, развѣшивали надъ своими головами мок-

рыя, вонючія портянки на ночь — пусть попросохнутъ; кое-кто, забывъ все на свѣтѣ, растянувъ шинели, ставили на карту все, что у нихъ было въ кошелькѣ.

Игроковъ всегда окружала толпа „чающихъ“ очищенія и просто любопытныхъ, слѣящихъ за тѣмъ, какъ волны непостаяннаго счастья бросали кучки рублей то въ одну, то въ другую сторону.

— Ты скоро будешь чистъ, — спрашивали ожидающіе игроки.

— Сейчасъ. Разъ стукну и вылѣзу.

— Ну, что? чистъ? - „Чистъ, какъ бѣлка.“

— Ты не умѣешь — пусти я сыграю.

Черезъ полчаса, смотришь, встаетъ и онъ.

— Ну, что? выигралъ? - „Черта съ два!“

А ты говорилъ — что умѣешь! съ ироніей спрашиваетъ вылѣзшій передъ нимъ очищенный, какъ „бѣлка“, игрокъ.

— Раньше умѣлъ, а теперь разучился, — отвѣчаетъ тотъ и въ его голосѣ слышно что то жалкое, безмощное.

Слышны дикіе крики сонныхъ, ихъ разговоры.

— Ахъ, проклятые... попали. Доски летятъ...

— Я не хочу!... Ваше благородіе, я не хочу! Кричитъ недалеко отъ меня солдатикъ, хоть воснѣ протестуя противъ насилья.

— За мной, ребята!... Шагомъ маршъ! Мы имъ укажемъ — со мной, братцы, не пропадете!

— Ну, Васька, кажется, ротнымъ воснѣ задѣлался. Васька, проснись! Васька!...

— Не трошь, не буди... пусть спитъ.

— Охъ, ребята, я со смѣху умеръ. Ей Богу! говоритъ Данилкинъ, спящій противъ меня, заливаясь такимъ увлекательнымъ смѣхомъ, что я, — мои сосѣди, и даже игроки хохочутъ, бросая на минуту играть.

— Данилкинъ, вымоешь мнѣ бѣлье? Спрашиваетъ тихо Кузьма.

— Вымою, только порцію хлѣба дай, — отвѣчаетъ тотъ. Солдаты надрываются.

— А мясо хочешь? — „Хочу"! — Дать? — „Давай!"

Отъ дружнаго ржанія просыпаются всѣ и даже внизу подъ нами-стучатъ намъ въ потолокъ.

Проснулся и Данилкинъ, протирая глаза и не зная, чѣму смѣются его товарищи спрашиваетъ:

— Что? Чему регочете? Смѣхъ усиливается.

Мало по-малу всѣ, за исключенимъ игроровъ, засыпаютъ.

— Данилкинъ воснѣ намъ все разскажетъ... Говорить спросонья доброволецъ.

Я улыбаюсь.

Темная декабрьская ночь спустилась на землю, окутавъ её собой такъ, какъ будто бы навѣки схоронила подъ густымъ покровомъ разбитыя, сожженныя деревни, заброшенныя, вытоптанныя и изрытыя поля, вырубленные, поваленные вѣковые лѣса и весь ужасъ и безчеловѣчность войны. Слабый блескъ далекихъ звѣздъ съ холоднаго неба боязливо засматриваетъ въ отверстіе — дверь чердака. Гдѣ то вдали

трещитъ пулеметъ, другой. Остановливаются на минуту, какъ бы прислушиваясь и снова лая. Имъ вторятъ винтовки.

Начинаю засыпать. Нѣжное, ласковое, съ печальной улыбкой, прекрасными темными глазами наклонилось надо мной лицо и ласково гладитъ нѣжной рукой мою щеку, цѣлуетъ, закрываетъ глаза и тихо, тихо шепчетъ что то. Я слышу этотъ чудный звукъ, похожій на шелестъ кленовыхъ листочковъ, чувствую на своемъ лицѣ дыханіе, и сердце мое наполняется безпредѣльной любовью. Я шепчу — милая, не уходи отъ меня, побудь со мной.

— Спи! говоритъ она и я засыпаю подъ звуки чарующей музыки, подъ вѣяніемъ любви къ людямъ, къ моимъ товарищимъ солдатамъ...

Проснулся отъ страшнаго шума и крика.

— Ты карты мѣтить? Я тебѣ покажу, ты меня узнаешь... Я тебѣ морду помѣчу, — слышу я, чей то сердитый голосъ и удары по щекѣ. Раздается стонъ и чуть слышное:

— Братцы, я ничего... Ей Богу! возьмите, но не бейте.

— Лупи его, негодяя!

— Ванька, въ морду его, чего ты смотришь, совѣтуетъ кто-то изъ проснувшихся игроку.

— Бей его, не жалѣй... Да это чужой! Ну, постой! и мой сосѣдъ съ правой стороны сбрасываетъ съ себя шинель, бѣжитъ къ игрокамъ и со всего размаха ударяетъ шулера по уху.

— Это отъ меня! прибавляетъ онъ и снова бѣжитъ подъ шинель.

Я поднялъ голову и увидѣлъ незнакомца, котораго нашъ взводъ клевалъ по головѣ, лицу, шеѣ.

Нѣкоторые пускали въ ходъ ноги, сапоги, веревки отъ палатокъ. Шулеръ просилъ, идя къ двери:

— Братцы, ей Богу первый разъ... не буду, ей Богу не буду... Довольно! Простите!

— А ты, Семенъ, за что его ударилъ, спросилъ я у своего сосѣда, который, сверкая глазами слѣдилъ за церемоніей „сворачиванія на сторону скулъ", вѣдь онъ тебѣ ничего плохого не сдѣлалъ?

— За что? Да зато, чтобы не мошенничалъ, не ходилъ по чужимъ ротамъ обыгривать.

Но не успѣли спродвадить шулера, причемъ употребили для этого очень простой способъ: взяли его за руки и за ноги, немного раскачали и выбросили вонъ съ чердака, какъ снова раздался страшный крикъ:

— Вора поймалъ!

— Чтобъ васъ чертъ взялъ! Нельзя уснуть!

Берлога сразу встала на ноги, зашумѣла, застонала и освѣтилась свѣчами.

Солдаты вскакивали и по ногамъ лежащихъ, бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ былъ пойманъ воришка. Молодой солдатъ съ 15 года, Максимовъ, сверкая испуганными глазами, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, босой, трясясь всѣмъ тѣломъ, стоялъ на колѣняхъ у мѣста преступленія, ожидая страшнаго солдатскаго самосуда.

Старый, уже два раза раненый, весельчакъ Мотылевъ, не менѣе блѣдный чѣмъ пре-

ступникъ, захлебываясь, разказывалъ окружающимъ солдатамъ не бросая руку пойманнаго.

Голосъ его дрожалъ отъ злости.

— Я уже давно слѣжу за этой птицей, да все никакъ не могъ поймать. Два раза у меня въ ранцѣ былъ . . .

— Не былъ у тебя! раздался слабый, боязливый голосъ Максимова.

— Замолчишь, сѣрая порція! . . Собака!

Закричало на него сразу нѣсколько голосовъ

— Эта гадина, продолжалъ Мотылевъ, увидѣвъ, что Москвичъ и Сойка вышли, сейчасъ же поползла къ ихъ сумкамъ. Тутъ я его, молодца, и накрылъ.

— Къ ротному его, сукина сына!

Куда къ черту, къ ротному!

— Отдадутъ подъ судъ - послѣ спасибо скажетъ. Мы съ нимъ самосудомъ, ребята. . .

— Конешно.

— Мы его научимъ - всю жисть будетъ помнить.

— Тихо, не кричите. Я сейчасъ разсужу. Ну, вставай! скомандовалъ Мотылевъ.

— Братцы, простите! началъ было тотъ вставая. „Молчать! . . не пиктуть!“

— Становись къ трубѣ, - распоряжался Мотылевъ. — Дайте мнѣ платокъ и веревку.

Завязавъ платкомъ глаза, привязавъ веревки къ рукамъ Максимова повыше локтей и давъ концы двумъ солдатамъ, онъ отвелъ ихъ за трубу и приказалъ:

— Держи крѣпче, не давай падать.

Засучивъ рукавъ правой руки, онъ, подморгнувъ лѣвымъ глазомъ, сказалъ:

— Ребята, тихо. Постройтесь одинъ за другимъ. Каждый имѣетъ право ударить кулакомъ по уху или ладонью по щекѣ два раза. Бить не жалѣть — кто не жалѣетъ скрадать своего брата, тотъ не достоинъ сожалѣнія.

— Вѣрно! - Жалѣть такую скотину нечего.

— А ты, Максимовъ, не вздумай на насъ жаловаться — заколимъ въ окопахъ. Да не падай, смотри! — Ну, ка, Господи благослови!...

И размахнувшись изо всей силы, Мотылевъ ударилъ Максимова по уху разъ. Тотъ вскрикнулъ и покачнуся.

— Не кричи!.. Разъ, два, три! — Максимовъ снова покачнулся, открылъ ротъ — но не вскрикнулъ, а только тяжело вздохнулъ, получивъ новый ударъ.

— Подходи ребята. Лупи по совѣсти.

Солдаты одинъ за другимъ подходили и — одни легко, другіе со всего размаха били по лицу Максимова. Изъ носа и изо рта текла кровь, смачивала углы губъ, падала на босыя ноги. Изъ глазъ текли слезы.

При каждомъ новомъ ударѣ углы губъ шевелились и казалось, хотѣли сказать: „Братцы, пожалѣйте!“ Но братцы не жалѣли. Они превратились въ звѣрей, били своего брата съ крикомъ: „Бей, не жалѣй!“

Человѣкъ двѣнадцать не прикасались къ Максимову. Ударилъ послѣдній.

— Воды! живѣй!

Скомандовалъ Мотылевъ, развязыя веревки и снимая съ глазъ платокъ.

— Каково?

Вмѣсто лица я увидалъ одинъ распухшій, темный, окровавленный кусокъ мяса.

Мотылевъ остожно, какъ нянька, сталъ омывать лицо Максимову, какъ снопъ упавшему на руки солдатъ.

— Кабы не воровалъ, такъ ничего бы не было . . . Билъ не жалѣлъ, а теперь и жалко стало, — прибавилъ онъ съ чувствомъ.

— Братцы, застоналъ воръ, простите. Бейте еще разъ . . . всѣ, всѣ бейте, но простите! Видитъ Богъ, что я ужъ пальца на чужое не положу!

— Ахъ, Максимовъ, Максимовъ . . . хорошая у тебя душа, а до чего ты дожилъ, до чего дошелъ.

— Братцы, не буду . . . Всѣмъ отслужу, простите! Сызмала привыкъ къ воровству . . .

— Мы что? Ты на насъ не серчай. Маленько тебя поучили да ужъ безъ этого нельзя.

— Можно, оно тебѣ и на пользу послужитъ . . . Это ученье-то!

Часъ спустя солдаты спали крѣпкимъ сномъ.

Такъ могутъ спать только измученные рабы.

На другой день шло все обычнымъ порядкомъ такъ, какъ это уже шло нѣсколько мѣсяцевъ.

Новый день приноситъ старые разговоры о томъ, кого мы пойдемъ смѣнять, кого не досчитаемся на слѣдуещемъ отдыхѣ изъ товарищей.

Три дня отдыха пролетѣли быстро, какъ сладкій сонъ и мы снова готовились съ проклятіями вступить въ окопы-ближе къ смерти и ужасу.

Iindř. Hradec. 1917.

СОЛДАТЫ.

Въ жаркій лѣтній день, въ началѣ августа 1915 года, нѣсколько человѣкъ солдатъ, версты четыре отъ передней линіи, стояли подъ ружьемъ за съѣденный „неприкосновенный“ запасъ черныхъ, полусгнилыхъ сухарей. Потъ градомъ катился съ усталыхъ, загорѣлыхъ лицъ, оторванныхъ отъ сохи мужиковъ-солдатъ.

Рука окоченѣла и въ ней бѣгаютъ судороги. Кажется, — еще минута, другая и тяжелая винтовка сама вывалится изъ ослабѣвшей руки. Поясницу разломило, ноги дрожатъ, въ глазахъ потемнѣло и уже давно бѣгаютъ черные, красные и синіе круги. Начинаетъ тошнить.

А солнце, немилосердное солнце, жжетъ и палитъ все сильнѣй и сильнѣй. Воздухъ дрожитъ, движется бѣлой, блестящей волной, но онъ не освѣжаетъ, но еще больше душитъ и палитъ. На чистомъ, голубомъ небѣ не видать ни облачка, ни тучки. Все глухо и мертво кругомъ. Солдаты стоятъ, какъ истуканы, вылѣпленные изъ глины, не смѣя моргнуть, ни вздохнуть такъ, какъ этого желаетъ измученная напряженіемъ грудь. Мужикъ фельдфебель бѣгаетъ около мучениковъ и громко кричитъ, украшая свою рѣчь отборнымъ сквернословіемъ.

— Эй, ворона, чего ты штыкъ повѣсилъ?

— Проснись, а не то я тебя разбужу...

Усталый солдатъ на минуту собираетъ послѣднія силы и встряхивается, но сейчасъ же штыкъ его начинаетъ наклоняться и дрожать, еще минута и онъ уже совсѣмъ повисъ на усталомъ плечѣ, сухой, блестящій и почему то ужъ нестрашный.

Опытный глазъ полкового командира издали видитъ этотъ недисциплинированный штыкъ и онъ хочетъ послать къ фельдфебелю вѣстового, но лѣнь и жара его такъ утомили даже и въ прохладной избѣ, что онъ забываетъ это сдѣлать сразу же, какъ только подумалъ.

„Теперь ужъ нѣтъ тѣхъ молодыхъ, отважныхъ гвардейцевъ, — проносится у него воспоминаніе о падшихъ въ первыхъ бояхъ. „Ахъ, то были молодцы! Какъ легко и смѣло умирали. Нога въ ногу, штыки наруку, какъ на царскомъ смотру — шли въ аттаку... То были солдаты! И воевать съ ними хотѣлось!“ И въ головѣ еще молодого гвардейскаго полковника вдругъ яркими красками нарисовалось поле битвы въ Петраковской губерніи.

„Идутъ, мои молодцы! Имъ навстрѣчу вышла нѣмецкая гвардія, тоже молодецъ къ молодцу... На минуточку тихо, а потомъ громкое, могучее ура... Сошлись! Зазвенѣли штыки, застонали люди... Вотъ погнулись нѣмцы, дрогули! Побѣжали! „Мои“ за ними... Да, это былъ боёкъ! Славный бой!“

И на глазахъ полковника выступили слезы.

— Ваше высокоблагородіе! Съ рядовымъ

Васильевымъ ударъ, подбѣжавъ къ окну, доложилъ фельдфебель, вытягиваясь въ струнку.

— Что изволите приказать, ваше высокоблаго родіе ?

— Выдрать тебя! — вдругъ рѣзко и самъ не зная почему, крикнулъ полковникъ и сразу волна ненависти и презрѣнія нахлынула ему въ сердце, и онъ почувствовалъ такое отвращеніе къ этому пронырливому и льстивому Гусеву, какого онъ никогда въ жизни не испытывалъ.

— Дрянь, дрянь! — шепталъ Бѣляковъ, — надѣвая на лысую, мокрую голову помятую фуражку.

Вышелъ и ровнымъ, спокойнымъ шагомъ направился къ стоящимъ солдатамъ.

Яркое солнце все также невыносимо палило и заливало сильнымъ, больнымъ для глазъ, свѣтомъ поля и чернѣющійся вдали сосновый лѣсъ, Воздухъ продолжалъ дрожать и литься. Трава завяла, листья на деревьяхъ съежились, повисли и замерли. Кучка спящихъ солдатъ въ тѣни была похожа на убитыхъ и лишь рой мошекъ и мухъ носящихся надъ спящими и надъ штыками наказанныхъ, говорили о жизни вокругъ нихъ.

— Ребята, говорилъ полковникъ, что это вы носы повѣсили? Иль вы солнышка никогда не видали? Стыдитесь!

Около полковника роились офицеры; вдали, боясь подойдти ближе, ходили туда и сюда солдаты.

— Еще 5 минутъ — и конецъ, говорилъ

онъ, проходя къ Васильеву, которой невидя его, смотрѣлъ прямо полковнику въ душу, какъ бы съ укоромъ говоря:

„Ты насъ поставилъ въ жару, желая насъ этимъ наказать такъ, чтобъ мы помнили долго. Ну, вотъ, смотри — меня ужъ нѣтъ — а лучше ли тебѣ отъ этого? Ты нарочно велѣлъ насъ поставить передъ твоими окнами, чтобы самому видѣть наши муки... Будь ты проклятъ, за меня, за нихъ, за мою жену и мать...“

Полковникъ вздрогнулъ, но сейчасъ же оправился.

—Санитары, въ околодокъ его. Дисциплина, господа — обращаясь къ офицерамъ, сказалъ полковникъ, — выше всего! это нашъ долгъ!

— Такъ точно, господинъ полковникъ! отозвались офицера помоложе, покраснѣвъ до корня волосъ. Старшіе молчали.

Наконецъ солдатъ сняли изъ-подъ ружья. Они бросились по землянкамъ.

— Ахъ, чертъ возьми, ну и жара! Хоть лопни... — „Поджариваетъ по совѣсти.“

— У меня уже сало течетъ, — говоритъ тонкій и худой, какъ высохшая жердь, Сидоренко. Кое кто засмѣялся.

— За гнилые сухари кровью платимъ.

— Нашего брата не жалѣютъ.

Въ землянкахъ было душно и жарко, воняло потомъ, грязнымъ бѣльемъ и солдатскими шинелями. Солдаты задыхались отъ жажды.

— Васька, — говоритъ ратникъ Емелькинъ своему сосѣду, еще молодому парню съ бѣлыми волосами на головѣ и пухомъ по всему лицу, — дай ка мнѣ глоточекъ...

— Нѣту, всю выдули! „Врешь“? „Ей Богу!“
— Сходи!
— Ну её къ черту, еще подстрѣлятъ.
— Подстрѣлятъ?! Скажи — не хочется, и все тутъ.
--Ты что? Птица какая...
— Вотъ Сироткинъ и не птица, а его снизали... и не пикнулъ!
— Его шальной, — вяло замѣчаетъ кто то.
— Сравнялъ! Тогда мы были всего версту отъ фронта, а теперь четыре, иди, не бойся!
— Лучше, ребята, безъ грѣха — канаться.
— Ладно.
— Идетъ. - „Согласны.“ - Лучше жеребья.
— Только не отказываться.
Зачѣмъ отказываться? тутъ, братъ, по счастью.
— Ну, готово! Кто первый тянетъ? Никто? Такъ я самъ потяну, — говоритъ Емелькинъ, засучивая рукавъ по самый локоть.
— Держи, Федька, картузъ... Ну, ка, Господи полсани!
Емелькинъ запустилъ въ картузъ руку и долго возится тамъ. Раздаются громкіе, протестующіе крики.
— Не выбирай, а тащи сразу.
— Сразу! иди самъ потяни сразу.
— Ты ихъ знаешь, говоритъ кто-то.
— Дуракъ! отсѣкаетъ Емелькинъ. Солдаты смѣются.
— Вотъ она судьба то моя роковая, — произноситъ онъ, дрожащими руками развертывая бумажку.

Всѣ съ любопытствомъ засматриваютъ ему черезъ плечо и разочарованно говорятъ: „пустой!“

— Не мнѣ, братцы! выскрикиваетъ радостно Емелькинъ, и кувыркомъ, черезъ голову — очутился на своемъ мѣстѣ — въ углу землянки.

— Митька, тяни ты, чего боишся!

— Я не боюсь. Тяни самъ.

— И потяну.

— Ну и тяни. - „Она?“ - Нѣтъ, пустая!

— Теперь я, говоритъ Лобковъ.

— Ну и тяжела же, проклятая! Навѣрно она... она и есть, — говоритъ онъ, корча физіономію и указывая товарищамъ клочекъ бумажки, на которомъ было карандашемъ нацарапано: „Заводой“.

Землянка огласилась хохотомъ. Загремѣли фляшками. Обвѣшанный котелками и всѣмъ, чѣмъ было можно набрать воду, Лобковъ вылѣзъ изъ норы и пустился внизъ къ лощинѣ.

— Онъ живо скатаетъ.

— Какъ и подъ ружьемъ не стоялъ.

— А нашему брату что? Пока стоишь - тяжело, а сняли — какъ будто и не стоялъ.

— Кому какъ, а у меня и до сихъ поръ поясницу ломитъ, замѣчаетъ Емелькинъ.

— Врешь! коли болѣла бы, такъ не кувыркался, сатана.

— Милый человѣкъ, это я съ радости.

На минуту наступила тишина.

— Ахъ, теперь, кваску долбануть бы хорошо хоть кружечку.

— И пивца хватить недурно.

— Вамъ кваску, пивца, а мнѣ бы сивушки.

— Жарко, запрѣешь отъ сивухи.

— Мотри ка, робата — дежурный...

— Это не съ добромъ.

Солдады затихаютъ. Дежурый, взводный нашего взвода, подходитъ къ землянкѣ.

— Не бойтесь-все тихо ... Нѣтъ-ли водички у кого?

— Нѣтъ ни у кого ... послали, сейчасъ придетъ.

Снова тихо и мертво. Но вотъ вдругъ вдали что-то ухнуло, загудѣло и опустилось въ лощину. Трахъ!.. Зз..з!

— Лобкову гостинцы посылаютъ, замѣчаетъ кто-то.

— Кабы не убили ,.. если бы тутъ колодцы не засыпали, проклятые . . .

— Ничего, братцы, не убьютъ, говоритъ Лобковъ, влѣзая осторожно, чтобъ не расплескать драгоцѣнную влагу, въ землянку.

— Свѣжая, болотная . . . отъ прошлогодняго дождя водица, прибавляетъ онъ.

Солдаты жадно припали высохшими губами къ начинающей уже гнить водѣ. Напились. Притихли.

Засыпаютъ. О Васильевѣ ни слова.

lindř. Hr. 1917.

(Конецъ.)

АЛЕКСАНДРЪ ПОПОВЪ

Готовятся къ печати:

„СЛѢПОЙ ОФИЦЕРЪ“

и другіе разсказы о чехахъ

„СИЛА ЛЮБВИ“

романъ

изъ жизни чеховъ на Руси

